
16
16

Виктория Одобеску

Постучи дважды

https://litres.ru/74723634
SelfPub; 2026

Аннотация

Река подмыла берег, и оползень вынес на свет то, чему надлежало навеки остаться сокрытым. Скелет молодой женщины.

За расследование берутся детективы Джек Штальц и Фрэнк Морроу. Судебно-медицинский эксперт Эмили Шоу устанавливает: смерть наступила шестнадцать лет назад.

Но река обнажила не только скелет — она вынесла на поверхность вопросы, которые некто весьма влиятельный предпочёл бы закопать куда глубже, чем тело.

Ответы тянутся тонкими нитями в прошлое. Корпоративный заговор, стоивший жизни целому взводу. Загадочное самоубийство учёного, знавшего слишком много. Смерть свидетеля, которая должна была поставить точку в деле. А след — свежий. Он ведёт в настоящее. В хоккейную академию. К игроку, чьё имя гремит на весь штат.

Детективы пока не подозревают, что уже перешли дорогу тому, кто не прощает.

Всё сплетено в единый узел. И чем сильнее они тянут за нити, тем ближе подбираются к правде, которая может стоить им жизни.

Виктория Одобеску
Постучи дважды

Постучи дважды

Река подмыла берег ночью - тихо, исподволь, как всякое разрушение, которое хочет остаться незамеченным. Дожди шли неделю: мелкие, нудные, осенние, из тех, что не стучат по крышам, а висят в воздухе серой взвесью и просачиваются в землю медленно, терпеливо, капля за каплей. Земля набухла, отяжелела, пропиталась водой до нутра - и однажды не выдержала. Оползень сошёл без грома, без треска, без предупреждения, будто река решила забрать то, что ей принадлежало, и не хотела, чтобы кто-то это заметил.

Утром жители прибрежного городка вышли на улицу и увидели, что берег изменился: деревья съехали вниз, к воде, обнажив корни, похожие на скрюченные пальцы, грязь и камни перемешались в одно месиво, и что-то ещё виднелось в развилке старого дуба - белое, тонкое, застрявшее между ветвями, как будто река не просто размыла берег, а что-то вернула. Дуб тоже сполз вместе с грунтом, но не упал, а застыл над обрывом, будто держался из последних сил, будто ждал, что кто-то придёт и увидит то, что он держит.

Кто-то позвонил в полицию, кто-то - в скорую, а кто-то просто стоял и смотрел, потому что, когда случается страшное, человек сначала смотрит, а потом уже решает, стоит ли подходить ближе.

Джек Штальц приехал одним из первых.

Детектив припарковался у кромки дороги, там, где асфальт обрывался в грязь, и вышел из машины. Был Штальц высокий - выше Фрэнка на полголовы, - и в движениях чувствовалась та лёгкая, чуть небрежная уверенность, которая бывает у людей, привыкших к своему телу и давно переставших о нём думать. Тёмные волосы, густые, всегда чуть длиннее, чем надо, - стригся он редко и не любил парикмахерские, - прилипли ко лбу от влаги. Глаза - серо-зелёные, с тёплыми крапинками у зрачка - смотрели прямо, без вызова, но и без робости. Сырой, тяжёлый воздух ударил в лицо - река, тина, мокрая земля, что-то древнее и затхлое, что поднимается со дна, когда потревожишь его покой, - и куртка промокла на плечах, пока Джек спускался по склону, но он не замечал. Внизу, у самой воды, уже стояли двое патрульных, и они смотрели на дуб - точнее, на то, что было в его ветвях. Патрульные не разговаривали. Просто стояли и смотрели, как смотрят люди, которые не знают, что делать, и надеются, что кто-то придёт и скажет им.

Джек подошёл и остановился, глядя на то, что лежало в развилке.

Скелет лежал в ветвях, будто кто-то уложил его туда с осторожностью, почти с нежностью: руки раскинуты, череп повёрнут к реке, кости чистые, белые, отмытые дождями до состояния фарфора. Ни одежды, ни плоти, ни запаха - только кости и тишина. Джек смотрел на скелет и чувствовал, как

внутри что-то сжимается - не страх, не отвращение, а что-то третье, чему он не мог найти названия. За три года службы Штальц видел много мёртвых тел, но такого - не видел никогда. Скелет не был похож на то, что остаётся после несчастного случая или убийства. Скорее на что-то, что оставили специально. Как знак. Как послание.

- Чёрт, - выдохнул Джек, и прозвучало это глупее, чем он хотел, но ничего лучше в голову не пришло. Детектив достал телефон и набрал номер, который знал наизусть.

- Шоу.

Голос был ровный и холодный, как всегда. Эмили никогда не тратила слов на приветствия, и Джек давно перестал ждать, что она начнёт.

- Эмили, это Джек. У нас тело. Скелет. В оползне, на берегу.

Пауза. Джек слышал, как Эмили дышит - ровно, спокойно, как дышат люди, которые привыкли к таким звонкам и давно перестали удивляться.

- Я на вызове. Через час буду.

- Жду.

Штальц отключился, сунул телефон в карман и посмотрел на скелет, потом на реку - тёмную, медленную, равнодушную, которая что-то скрывала. Вода шла мимо, не останавливаясь, не торопясь, как будто ей было всё равно, что на берегу нашли чьи-то кости. Может, и было. Река видела многое. Река помнила многое. Но она не говорила.

Фрэнк Морроу приехал через двадцать минут.

Морроу припарковался рядом с машиной Джека, вышел медленно, как человек, которому больше некуда спешить, и постоял у края дороги. В левой руке - чёрный зонтик, длинный, с деревянной ручкой. Раскрывать его Фрэнк не стал - только сжал рукоятку и так и стоял, глядя на воду. Джек смотрел на Морроу и думал о том, что старший детектив всегда так стоит: не двигаясь, не суетясь, будто ждёт, что мир сам придёт к нему и расскажет, что случилось.

Сорок шесть лет. Ещё не старый - но уже не молодой: коротко стриженные седые волосы, жёсткая щетина на впалых щеках, светлые глаза с глубокими морщинами в уголках, в которых было всё - Джек не знал, что именно, но всё: каждое дело, каждая смерть, каждая ночь, которую Морроу провёл, глядя в потолок. В отделе Фрэнк работал двадцать пять лет - дольше, чем Джек жил на свете, - и Джек знал о нём немного: что не пьёт, не повышает голоса, не задаёт лишних вопросов; что был здесь, когда закрыли дело Штерна; что после этого стал таким - тихим, как вода в омуте. Подробностей Штальц не знал. Никто не знал. Фрэнк не рассказывал, а спрашивать было не принято.

Спустился Морроу по склону так же осторожно, как Джек, так же молча, - но перед этим всё-таки раскрыл зонтик. Не для себя: плащ и так промок насквозь. Просто привычка. Джек заметил это и подумал, что Фрэнк, наверное, делает так всю жизнь - раскрывает зонтик, когда не надо, потому

что когда-то надо было, а теперь уже поздно переучиваться.

Морроу подошёл, остановился рядом и посмотрел на скелет. Что-то в нём дрогнуло - Джек увидел это по лицу, по тому, как дёрнулась щека, - но Фрэнк ничего не сказал. Только смотрел. Долго. Так долго, что Джек начал чувствовать себя неловко, как будто он подсматривает за чем-то, чего не должен видеть.

- Женщина, - сказал Джек, и голос прозвучал слишком громко в утренней тишине. - Судя по тазу. Молодая. Лет двадцать пять.

Фрэнк кивнул, не отрывая глаз от костей, от позы, от того, как она лежала: руки раскинуты, череп повёрнут к реке. Смотрел так, как смотрят на что-то знакомое, что видели раньше, но не могут вспомнить где.

- Кто нашёл?

- Рыбаки. Утром. Шли к воде. Увидели.

- Трогали?

- Нет. Патрульные сказали - не трогали. Только вызвали нас.

Фрэнк снова кивнул - медленно, как человек, который думает не о том, что слышит, а о том, что видит.

- Странно, - сказал Морроу тихо.

- Что?

- Она лежит в ветвях. Не на земле, не в грязи. В ветвях. Как будто кто-то положил её туда. Специально. Чтобы нашли.

Джек посмотрел на него, и в груди что-то оборвалось - не страх, что-то другое, предчувствие, как будто он стоял на пороге чего-то, что ещё не началось, но уже чувствовалось в воздухе.

- Ты думаешь, это не случайность?

Фрэнк помолчал, посмотрел на реку, на тёмную гладь, которая скрывала всё, что было под ней, и зонтик над его головой чуть вздрогнул - от ветра, не от руки.

- Я думаю, - сказал Морроу медленно, - что случайности не бывают такими аккуратными.

Замолчал и сунул свободную руку в карман плаща, посмотрел на небо - серое, тяжёлое, с низкими облаками, которые не обещали ничего хорошего.

- Позвони Эмили, - сказал Фрэнк.

- Уже.

- Хорошо.

Эмили Шоу приехала через час.

Судмедэксперт припарковалась на дороге, вышла медленно, без суеты, как человек, который знает, что спешить некуда: тело всё равно никуда не денется. Тёмно-синяя куртка-ветровка, застёгнутая до горла, на левом рукаве - нашивка с надписью «Судмедэкспертиза», плотные брюки карго, высокие ботинки на толстой подошве. Волосы - тёмные, длинные - стянуты в тугой хвост, черты лица тонкие, красивые, но резкие, на поясе - сумка с инструментами, откуда выглядывали пинцеты и пробирки. Никакого белого халата. Толь-

ко практичность.

Джек смотрел на Эмили - как всегда, чуть дольше, чем нужно. Она не замечала. Или делала вид, что не замечает. Штальц знал её три года и до сих пор не мог понять, что она думает, когда молчит. А Эмили молчала почти всегда.

Спустилась она по склону так же осторожно, как они, так же молча, подошла к скелету, не поздоровалась, не сказала ни слова, просто надела перчатки, присела на корточки и начала осмотр. Джек смотрел на её руки - быстрые, точные, в перчатках, - и на тонкий шрам на левом запястье, старый, почти незаметный. Эмили никогда о нём не говорила. И Джек никогда не спрашивал.

- Женщина, - сказала судмедэксперт ровно, без эмоций, будто читала список покупок. - Двадцать пять - двадцать семь. Европеоидного типа. Здоровая. Никаких следов переломов. Никаких признаков насильственной смерти. Пока.

- То есть она просто умерла? - спросил Джек.

- Все просто умирают, Джек. - Эмили взяла лупу и посмотрела на кости. - Но не все оказываются в оползне. Кто-то её там похоронил. Или она оказалась там случайно.

- Случайно?

- Река. Течение. Оползень. Всё возможно.

Эмили замолчала, и её лицо - строгое, красивое, но холодное, как у людей, привыкших к смерти и давно переставших её бояться, - вдруг изменилось. Едва заметно. Судмедэксперт нахмурилась, достала пинцет, что-то подцепила - ма-

ленькое, тонкое, крошечную косточку. Не её. Чужую.

- Джек.

- Что?

- Она была беременна.

Джек замер, посмотрел на Эмили, потом на кости, потом снова на неё.

- Что?

- В тазу - маленький скелет.

Джек подошёл ближе, посмотрел на крошечные косточки, которые Эмили держала в руках, и почувствовал, как перехватило горло. Штальц не знал, что сказать. Не знал, что чувствовать. Такого он не видел никогда - не вживую, не так близко. Только в кино или в книгах, и всегда думал, что в жизни такого не бывает. А теперь оно лежало перед ним, в развилке старого дуба, на берегу реки, которая всё текла и всё помнила.

- Я возьму всё в лабораторию, и образцы грунта тоже, - сказала Эмили. - Там будет ясно.

Фрэнк стоял в стороне и смотрел. На Эмили, на Джека, на скелет, на реку. Над ним - раскрытый чёрный зонтик, под зонтом было сухо, вокруг - нет, и эта граница, между сухим и мокрым, между тем, что ещё держится, и тем, что уже развалилось, - казалась Морроу точнее любых слов.

Смотрел на череп, на то, как тот повёрнут к реке.

- Кто ты? - сказал Фрэнк тихо, почти шёпотом. - И что ты здесь делаешь?

Никто не ответил - только река, только ветер, только тишина, которая стала ещё тише.

Джек стоял рядом с Эмили и смотрел на неё - на то, как судмедэксперт работает, как думает, как молчит; на её руки в перчатках, быстрые, точные; на то, как она хмурится, когда что-то не сходится. Мог бы смотреть часами и, наверное, смотрел бы, если бы Эмили не подняла голову и не посмотрела на него так, как смотрят на человека, который мешает работать.

- Эмили, - начал Джек, и сам услышал, как глупо это прозвучало.

Судмедэксперт подняла голову.

- Что?

Пауза. Джек смотрел на неё. Эмили смотрела на него. Ждала.

- Ты сегодня... - он запнулся. - Ты сегодня хорошо выглядишь.

Эмили посмотрела на него - ровно, без эмоций, как смотрят на человека, который сказал что-то, чего говорить не следовало.

- Джек.

- Что?

- Я в куртке. Стою в грязи. Рядом с трупом. И ты говоришь мне, что я хорошо выгляжу?

- Ну... - Штальц пожал плечами. - А что, нельзя?

Эмили вздохнула - медленно, как человек, который устал

объяснять очевидное.

- Мы на работе.

- Я знаю.

- И у нас скелет. И ребёнок. И куча вопросов без ответов.

- Я знаю.

- И ты сейчас, вместо того чтобы думать о деле, стоишь и подкатываешь ко мне.

- Я не подкатываю, - сказал Джек, хотя знал, что врёт. - Я просто... говорю правду.

Эмили посмотрела на него - долго, - и в её глазах, он готов был поклясться, промелькнуло что-то. Не улыбка. Не тепло. Что-то другое. Что-то, что судмедэксперт быстро спрятала.

- Иди работай, Джек.

- Я работаю.

- Ты стоишь и смотришь на меня.

- Это часть работы.

Эмили покачала головой, но Джек видел, как уголок её губ дрогнул - едва заметно, на миллиметр.

Солнце поднималось, но небо оставалось серым, и дождь собирался снова. Люди в форме работали: фотографировали, собирали, упаковывали. Эмили стояла у скелета, Джек - рядом, Фрэнк - в стороне, под чёрным зонтом, который так и не закрыл.

Никто из них не знал, что это начало. Начало чего-то большого, чего-то, что тянулось в прошлое на шестнадцать лет назад.

Никто не знал. Пока.
Но река знала. Река помнила. И теперь - она говорила.

Глава 2. Лаборатория

Лаборатория судмедэкспертизы находилась в подвале - там, где не бывает окон и куда никогда не заглядывает солнце, и где даже в самые жаркие дни стоит сырой, неподвижный холод, пропитанный запахом формалина. Эмили Шоу работала здесь шесть лет и знала каждый угол, каждую трещину в кафеле, каждую лампу, которая мигала, когда включался вытяжной шкаф, - и всё равно каждый раз, спускаясь по лестнице, чувствовала, как что-то сжимается под рёбрами: не страх, не отвращение, а что-то третье, чему она давно перестала искать название. Может быть, это была память тела - память о том, что здесь, внизу, время течёт иначе, чем наверху, и что каждый, кто сюда спускается, оставляет что-то за порогом.

Эмили включила свет, и лаборатория ожила - загудели лампы, зашумел вентилятор, запахло холодом, тем особым холодом, который не имеет ничего общего с температурой, но всегда напоминает о том, что здесь, внизу, время течёт иначе, чем наверху. Судмедэксперт надела халат, перчатки, стянула волосы в тугой хвост, который никогда не распускался, и стала тем, кем была всегда за этим порогом: инструментом, скальпелем, машиной, которая находит ответы, - и это превращение всегда давалось ей легче, чем обратное. На-

верху она была женщиной, сестрой, дочерью. Здесь - только руками. Только глазами. Только тем, что умеет смотреть и видеть.

Скелет лежал на металлическом столе, и Эмили разложила его по косточкам - аккуратно, как головоломку, которую кто-то собрал, а потом разбросал: череп, рёбра, позвоночник, таз. Глядя на них, она чувствовала, как что-то уже складывается в голове, медленно, не до конца, как складывается пазл, когда не хватает последнего кусочка и ты ещё не знаешь, какой он, но уже предчувствуешь, что он не подойдёт. Эмили видела сотни скелетов - молодых, старых, больных, здоровых, - и каждый рассказывал свою историю. Этот молчал. Этот ещё не решил, что сказать.

Первое, что сделала судмедэксперт, - взяла пробы: кость, зуб, всё, что можно отправить на анализ, - а потом села за микроскоп и стала смотреть, долго и медленно, потому что ответы не приходят к тем, кто торопится. Смотрела на клетки, на структуру, на то, что было видно только ей, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что думает не о работе, а о том, что где-то была женщина, которая жила, дышала, смеялась, - а теперь от неё остались только кости на металлическом столе.

Через час Эмили откинулась на стуле и посмотрела в стену, потому что что-то было не так. Женщина, двадцать пять - двадцать семь, европеоидного типа, здоровая, без следов переломов и признаков насильственной смерти - это судмед-

эксперт уже знала, но что-то царапало, что-то, что она видела, но не замечала, как не замечаешь пятно на стене, пока кто-то не ткнёт в него пальцем.

Эмили снова посмотрела на тазовые кости, на маленький скелет внутри - плод, четыре месяца, - и если тогда это казалось правдой, то теперь, глядя снова, она видела, что что-то не сходится, что-то в самом плоде, в его костях, в их форме. Взяла лупу, посмотрела на череп младенца, потом на тазовые кости женщины, потом снова на череп - и замерла.

Лобковый симфиз был сформирован иначе: у плода в четыре месяца он хрящевой, а здесь уже костная ткань. И череп: роднички закрыты, тогда как у плода они ещё открыты. И швы - кости начали срастаться, а это происходит только после рождения, и Эмили, которая видела сотни скелетов, знала это так же твёрдо, как знала собственное имя.

Отложила лупу, и сердце забилось быстрее, чем должно было.

Это не плод. Это ребёнок - он родился и жил какое-то время.

Судмедэксперт встала, прошлась по лаборатории, вернулась к столу и снова посмотрела на кости. Теперь она видела то, что не видела раньше: маленький скелет, крошечные косточки, ребёнок, который дышал, жил и умер, и был похоронен в тазу женщины - чужой женщины, не его матери. Кто-то взял этого ребёнка и положил его туда. Специально. Как знак. Как послание.

- Кто ты? - прошептала Эмили.

Говорила она вслух редко, но сейчас не могла молчать. Взяла телефон и набрала Джека - гудки: один, два, три.

- Штальц.

- Джек. Это Эмили. Приезжай. Срочно.

Пауза. Она слышала, как он дышит, как где-то на фоне шумит город.

- Что случилось?

- Просто приезжай.

Судмедэксперт отключилась, положила телефон и посмотрела на кости, потом на женщину, потом снова на кости. В лаборатории было тихо - только гудела лампа и капала вода. Эмили сидела и ждала, и в этой тишине ей казалось, что она слышит что-то ещё - что-то, что не имело звука, но было здесь, в комнате, рядом с ней.

Дверь лаборатории открылась без стука, и Эмили не обернулась - она знала, кто это.

- Эмили, chérie. - Голос был громкий, молодой, с лёгкой певучей протяжностью, какую можно вывезти только из Нового Орлеана. - Показывай.

Она обернулась.

Себастьян Дюваль стоял на пороге - высокий, худой, с идеальной осанкой, которая делала его похожим на танцора. Тёмная кожа, гладко выбритый череп, очки в тонкой золотой оправе, рубашка в леопардовом принте, расстёгнутая до середины груди - яркая, вызывающая, абсурдная и абсолют-

но ему идущая, - а под ней тонкая золотая цепочка на голой груди. Он выглядел так, будто только что сошёл с обложки модного журнала, или с другой планеты. И не стоял на месте ни секунды: пока говорил - поворачивался, пока смотрел - покачивался, будто внутри него работал мотор, который невозможно выключить.

- Ты опоздал на десять минут, - сказала Эмили.

- Bon sang. - Он поправил очки. - Хорошо. Я опоздал. Но я пришёл.

Он подошёл к столу, увидел кости - и остановился: улыбка исчезла, лицо стало другим, жёстким, внимательным, как у хирурга перед операцией.

- Это она? - спросил он тихо.

- Да.

Он взял череп, долго смотрел на него, потом повернул к свету, потом ещё раз - и провёл пальцем по скуле, медленно, почти нежно.

- Двадцать семь, - сказал Себастьян. - Красивая. И знала это. Но не пользовалась. Такие - самые красивые.

- Ты ещё не видел.

- Я вижу, chérie. - Он посмотрел на Эмили. - Три часа. Я верну ей лицо.

И вышел. Дверь закрылась, и Эмили осталась одна - и ещё долго смотрела на дверь, за которой скрылся Себастьян, потом на кости, потом на телефон. Она не знала, почему, но в этот момент ей показалось, что она только что отдала ко-

му-то часть того, что принадлежало ей, - часть этой женщины, часть её истории, - и что теперь она уже не сможет вернуть это обратно.

Джек приехал через два часа. Вошёл, стряхивая с куртки дождь: чёрная кожа блестела от влаги, тёмная футболка под ней промокла на плечах, волосы мокрые, густые, прилипли ко лбу, одна прядь упала на глаза - он её не убрал, просто мотнул головой. Скулы резкие, щетина лёгкая, но заметная. Он выглядел моложе, чем был, и это его бесило.

Увидел её лицо - и остановился.

- Что?

- Смотри. - Эмили указала на тазовые кости младенца. - Лобковый симфиз сформирован иначе: у плода он хрящевой, здесь - костная ткань. И череп. - Она взяла череп и осторожно повернула под лампой. - Роднички закрыты, у плода в восемь-девять месяцев они ещё открыты. И вот здесь, - она провела пальцем по едва заметному шву, - кости начали срастаться. Это происходит только после рождения.

Джек смотрел на неё и не понимал.

- То есть...

- Это не плод, Джек. Это ребёнок, который родился и жил.

Повисла пауза. Штальц перевёл взгляд на кости, потом снова на неё.

- Но ты сказала... на месте... что она была беременна.

- Я ошиблась. Или не ошиблась - уже не важно. Но это не её ребёнок, и он никогда не был в утробе. - Эмили положи-

ла череп обратно. - Кто-то положил его туда, в таз, после её смерти. Имитировал беременность.

Джек почувствовал, как по спине пробежал холодок. Смотрел на кости - маленькие, крошечные - и думал о том, что где-то была женщина, которая родила этого ребёнка, потеряла его, похоронила - в чужом тазу, в чужой могиле.

- Зачем? - спросил он тихо. - Кто мог такое сделать?

- Я не знаю. - Судмедэксперт села на стул. - Но это значит, что у нас здесь похоронены трое: женщина, её нерождённый ребёнок - если он был - и этот младенец. И тот, кто их хоронил, хотел, чтобы мы думали, что ребёнок - её.

Джек медленно выдохнул, а потом посмотрел на неё.

- Что ещё?

Эмили встала и подошла к другому столу, где лежали образцы почвы.

- Я взяла пробы грунта с места захоронения и сравнила с почвой вокруг.

- И?

- Она другая. - Судмедэксперт поставила образец. - Кто-то обработал землю. Чем-то. Я пока не знаю, чем, но это не природное. Это ритуал.

- Ритуал?

- Да. И поза. Я реконструировала, как лежало тело: женщина была уложена определённым образом - руки, ноги, голова, всё имеет значение. Это не просто захоронение. Это обряд. По канонам.

Джек смотрел на неё.

- Ты хочешь сказать, что её похоронили по обычаям какого-то народа?

- Да. И я не знаю, какого, но я знаю, кто может знать.

Глава 3. Портрет

Прошло три часа - ровно столько, сколько он обещал, ни минутой больше, - и Эмили уже начала думать, что он не придёт. Она успела обработать пробы, записать данные, составить предварительный отчёт и дважды перечитать его, находя всё новые неточности. За окнами давно стемнело, хотя было только начало шестого, - осень в этом году выдалась особенно тёмная, - и свет лампы ложился на поверхность стола жёлтым пятном, в котором медленно кружились пылинки, как будто тоже думали. Эмили смотрела на них не отрываясь и в какой-то момент поймала себя на мысли, что думает не о работе, а о том, что эти три часа тянулись дольше, чем весь сегодняшний день.

В лаборатории стояла та особенная тишина, которая бывает только в подвалах, где нет окон: гудела лампа, капала вода из плохо закрытого крана в углу, и время текло медленно, как смола. Каждый звук раздражал - потому что тишина не помогала, а ничто другое не помогало тем более. Эмили откладывала бумаги, вставала, проходилась по лаборатории, возвращалась, снова садилась - и всё это время в голове крутилась одна и та же мысль: где он.

А потом дверь открылась - без стука, как всегда, - и на пороге появился Себастьян.

Он сиял - не улыбался, а именно сиял, так, будто только что выиграл в лотерею, получил повышение и встретил любовь всей жизни одновременно. В одной руке держал папку, в другой - череп, обёрнутый в мягкую ткань, и выглядел при этом так, будто нёс не останки неизвестной женщины, а драгоценности. Леопардовая рубашка была расстёгнута чуть больше обычного, золотая цепочка на груди поблёскивала в свете ламп, а очки в тонкой золотой оправе сидели идеально.

- Эмили, детка, - сказал он, входя и двигаясь всё той же лёгкой, танцующей походкой, от которой у любого другого закружилась бы голова. - Я вернулся. И я принёс подарки.

Эмили подняла голову от бумаг.

- Ты уже закончил?

- Конечно. - Себастьян положил папку на стол и открыл её с тем особым торжеством, с каким фокусник открывает шляпу перед тем, как достать оттуда кролика. - Великий Себастьян Дюваль не тратит время впустую. Voilà.

Внутри лежали портреты - один, два, три, четыре: женщина, молодая, с длинными тёмными волосами, потом с короткими светлыми, потом с рыжими, потом с каштановыми. Разные причёски, разный цвет, разный свет - но одно лицо, её лицо.

Джек вошёл в лабораторию в тот момент, когда Эмили раскладывала портреты на столе, и остановился на пороге, не говоря ни слова. Смотрел на них не моргая - потом подошёл ближе, взял один и поднёс к лампе - и замер.

У неё были серые глаза - светлые, прозрачные, с тёмным ободком у зрачка, как у людей, которые умеют слушать и не любят говорить лишнего; высокие скулы, мягкая линия челюсти без резких углов, прямой нос с низкой переносицей, - и улыбка, широкая, искренняя, с ямочкой на левой щеке. Она не позировала, она смеялась, запрокинув голову, как будто только что услышала что-то очень смешное и не могла остановиться.

Себастьян поймал это - смог, восстановил по костям не просто лицо, а жизнь: ту, которую она прожила, ту, которую у неё отняли.

- Знаешь, что я в ней увидел? - Себастьян вдруг стал серьёзным. - У неё был перелом. Вот здесь. - Он провёл пальцем по левой скуле, чуть ниже глазницы. - Заросший. Давний. Лет за пять до смерти. Аккуратный, ровный - не от драки. Скорее от падения. Или от удара, который она не стала лечить.

Эмили подошла ближе, взяла череп, посмотрела под лампой. След был едва заметен - тонкая линия, почти сросшаяся. Она видела её раньше, но не придала значения: мало ли, детство, велосипед, качели. А Себастьян смотрел на это иначе.

- Такие переломы, - сказал он тихо, - обычно бывают у тех, кого бьют. Не сильно. Но регулярно. Чтобы помнила, кто главный.

Джек перевёл взгляд с портрета на Себастьяна, потом на

Эмили. В лаборатории стало тихо - только гудела лампа и капала вода.

- Ты уверен? - спросил Джек.

- Я всегда уверен, детка. - Себастьян пожал плечами. - Я не говорю «может быть». Я говорю «есть». Перелом есть. Давний. Заросший. И ещё одно: она была левшой. Правая ключица развита иначе - она ею почти не пользовалась. А левая - да.

Эмили смотрела на череп. Это была новая деталь - маленькая, но важная. У Шарлотты Кроуфорд было прошлое, о котором они не знали. Может, это связано с «Вангардом». Может, с чем-то ещё. Но это было начало.

- Спасибо, Себастьян, - сказала она тихо.

- De rien, детка. - Себастьян махнул рукой, и золотая цепочка на его груди блеснула в свете лампы. - Я знаю, что ты меня любишь. Все меня любят. Даже когда я раздражаю. Особенно когда я раздражаю.

Он подошёл к Эмили - и по дороге успел повернуться дважды: один раз к столу с костями, один раз к двери, - взял её руку легко, как танцор, и поднёс к губам. Не поцеловал, а почти поцеловал - так, что это было одновременно и шуткой, и чем-то искренним, что он прятал за театральностью. Потом отпустил, поправил очки, сверкнул золотой цепочкой - и вышел.

- Au revoir, mes amis!

Дверь закрылась. В лаборатории снова стало тихо - только

гудела лампа и капала вода. Джек стоял, смотрел на дверь, за которой скрылся Себастьян, потом на Эмили - и в этом взгляде было что-то, что она не сразу поняла.

- Ему ты разрешаешь себя обнимать и целовать руки, а мои комплименты режешь без ножа.

- Да.

- Почему?

Эмили посмотрела на него долго, внимательно, как смотрела на всех, кто пытался понять её быстрее, чем она позволяла. Потом уголок её губ дрогнул - едва заметно, на миллиметр, но Джек увидел.

- Это же Дюваль.

- И что?

Она подошла к нему - близко, так близко, что он почувствовал запах формалина и чего-то ещё, тонкого, почти неуловимого, что было только её, - и наклонилась к уху. Прошептала что-то коротко, тихо, так, что он не разобрал слов, но почувствовал дыхание на коже - тёплое, живое, настоящее.

Джек моргнул, и посмотрел на дверь, за которой скрылся Себастьян, а потом на неё.

- А. - Он кивнул медленно, как человек, который только что понял что-то, что следовало понять давно. - А. Ну да. Конечно. Я... я понял.

Эмили хмыкнула - тихо, почти неслышно, но Джек услышал и улыбнулся.

- Ты только что засмеялась.
- Я не смеялась.
- Ты хмыкнула.
- Это не смех.
- Это был смех. Тихий. Но смех.

Она посмотрела на него, и в её глазах, он готов был поклясться, промелькнуло что-то тёплое - на секунду, не больше, - а потом исчезло, спряталось под слоями холода и работы, как прячется солнце за облаками.

- Иди работай, Джек.
- Я работаю.
- Ты стоишь и улыбаешься.
- Это часть работы.

Она покачала головой, но он видел, как уголок её губ дрогнул снова, и на этот раз она не спрятала улыбку - просто отвернулась, пошла к столу, к костям, к работе. Джек смотрел ей вслед и улыбался - тихо, себе, как улыбаются люди, которые только что получили что-то, чего не ждали.

Потом он посмотрел на портреты - на женщину, молодую, красивую, мёртвую, - и что-то в нём сжалось, как сжимается что-то в груди, когда понимаешь, что за красивым лицом на бумаге стоит чья-то жизнь, которую кто-то отнял. Он взял один портрет, посмотрел на него ещё раз - на эти глаза, на эту линию челюсти, на эту улыбку, которая никогда больше не будет настоящей, - и, положив его обратно, собрал бумаги: заключение Эмили, портреты Себастьяна, - и поехал об-

ратно в участок, к Фрэнку, к делу, к тому, что ждало его впереди.

Глава 4. Участок

Джек приехал в участок к вечеру. Дождь, который начался утром и не прекращался ни на час, превратил город в размытое серое пятно, в котором не было ни просвета, ни надежды, и фары машин тонули в этой мгле, как будто и они не знали, куда едут. Штальц припарковался у служебного входа, вошёл, поднялся на второй этаж - и в конце коридора увидел свет. Дверь кабинета Фрэнка была приоткрыта, и оттуда падала жёлтая полоса на линолеум, и в этой полосе медленно кружились пылинки.

Постучал - коротко, два раза, - и, не дожидаясь ответа, вошёл.

Фрэнк сидел за столом, и перед ним лежала папка - старая, пожелтевшая, с обтрёпанными краями. Не читал её, а просто смотрел - как смотрят на вещь, которая слишком долго лежала в сейфе и теперь должна была выйти на свет. Когда Джек вошёл, Морроу поднял голову - медленно, как человек, который уже знает, что услышит, - и откинулся на спинку кресла.

- Ты что-то нашёл, - сказал он - не вопросом, а утверждением.

Джек сел напротив, положил на стол папку - ту, что собрал за день, - и открыл её. Достал портрет. Один. Тот, где

женщина смеялась, запрокинув голову. Положил на стол и пододвинул к Фрэнку.

- Себастьян закончил, - сказал Джек. - Восстановил лицо. Это она - та, из оползня.

Фрэнк взял портрет - медленно, - смотрел долго, не моргая, и что-то в его лице изменилось: не удивление, не страх, а что-то другое, глубже, что-то, что Джек не видел раньше и не мог назвать. Морроу смотрел на женщину на портрете так, как смотрят на человека, которого знали давно, потеряли и вдруг нашли - через много лет, в чужом городе, на чужой бумаге.

- Фрэнк?

Он не ответил - смотрел на портрет, на эти глаза, на эту улыбку, на ямочку на левой щеке, - и в какой-то момент его рука, державшая портрет, чуть дрогнула. Едва заметно, но Джек увидел.

- Фрэнк, - повторил он. - Ты её знаешь?

Детектив Морроу медленно положил портрет на стол, потом встал - тяжело, как будто ноги отказали, - подошёл к сейфу в углу кабинета, достал ключи и начал возиться с замком. Джек смотрел на него и не понимал, что происходит: Фрэнк никогда не открывал сейф при нём, ни разу за три года.

Замок щёлкнул, Морроу открыл дверцу и начал рыться в папках - старых, пожелтевших, с обтрёпанными краями, - искал судорожно, будто от этого зависело всё, а потом нашёл: вытащил толстую, потрёпанную папку, принёс к столу,

положил перед Джеком и открыл.

На первой странице лежала фотография - та же женщина, молодая, улыбающаяся, живая.

Она была красива той спокойной, глубокой красотой, которая не бросается в глаза сразу, но остаётся в памяти надолго, - но Джек видел только одно: улыбку, широкую, искреннюю, с ямочкой на левой щеке. Она не позировала, она смеялась, запрокинув голову, как будто только что услышала что-то очень смешное. И рядом - мужчина, молодой, лет двадцати пяти: тёмные волосы, густые, волнистые, зачёсанные назад, но не идеально - пара прядей всё равно падала на лоб, - мягкое лицо, внимательные глаза и улыбка, которая не достаёт до глаз. Он держал её за руку, и они смотрели в объектив - счастливые, молодые, живые.

Под фотографией - подпись, машинописным текстом: «Шарлотта Кроуфорд, 28 лет. Эдвин Кроуфорд, 25 лет. Дело №...»

Джек прочитал - медленно, дважды.

- Шарлотта Кроуфорд, - сказал он тихо, будто пробуя имя на вкус. - Вот как её звали.

- Да, - сказал Фрэнк. - Шарлотта.

Он сел - медленно, будто ноги действительно отказали, - и посмотрел на Джека долгим, тяжёлым взглядом человека, который слишком долго носил в себе то, что не должен был носить.

- Шестнадцать лет назад я вёл это дело, - сказал он. - Я

был молод, как ты, мне было тридцать, и я верил, что могу всё, что могу спасти всех.

Замолчал, и Джек не торопил его - просто ждал.

- Шарлотта Кроуфорд, - продолжил Фрэнк. - Её муж, Эдвин, работал в «Вангард Системс» - учёный, как и его друг и коллега Аарон Штерн. Аарон разработал новый бронежилет - лёгкий, прочный, лучший в своём классе, - и армия уже провела испытания, всё прошло отлично, и «Вангард» готовился подписать контракт на десять лет.

Он перевёл дыхание, посмотрел на портрет Шарлотты, потом снова на Джека.

- Но была проблема: жилет Аарона оказался слишком дорогим в производстве, маржа была маленькой, - и тогда начальство вызвало его и предложило удешевить: снизить качество материалов, упростить конструкцию, но на бумаге оставить старые характеристики.

- И он отказался, - сказал Джек.

- Да. Аарон был принципиальным - он сказал, что не будет ставить под удар жизни солдат ради прибыли, написал рапорт и потребовал, чтобы его услышали. - Фрэнк сжал челюсть. - А компания всё равно сделала по-своему: жилеты переделали, тендер выиграли, - но на первом же тестовом прогоне выяснилось, что они не соответствуют заявленным характеристикам. Несколько тестирующих получили серьёзные ранения. Кто-то погиб.

Джек почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Смотрел на Фрэнка - на его лицо, на его руки, на то, как он сжимает край стола, - и понимал, что тот рассказывает не просто историю, а свою - ту, которую носил в себе шестнадцать лет.

- И вину хотели спихнуть на Аарона, - сказал Джек.

- Да. На того, кто как раз боролся против этого. Они начали кампанию против него - в прессе, в отчётах, в разговорах, - мол, это он виноват. Но Аарон не сдался: он подал заявление в полицию, хотел дать показания - публично, против начальства «Вангарда».

Фрэнк замолчал, посмотрел на портрет Шарлотты, потом снова на Джека.

- Аарон пришёл ко мне - в этот кабинет, сел на этот стул, рассказал всё. Он хотел справедливости, и я обещал ему защиту: программу защиты свидетелей, новые документы, переезд - всё, что нужно. Он согласился, но попросил время, чтобы всё обдумать.

- И что случилось?

- На следующий день его нашли в машине, в гараже: двигатель работал, газ шёл в салон, заключение - самоубийство. - Фрэнк посмотрел на Джека. - Но это было убийство, я знаю. Он не мог покончить с собой - он хотел жить, ради правды, ради справедливости, ради того, чтобы те, кто убил солдат, ответили за это.

- Почему ты не расследовал?

- Мне не дали. Начальство сказало: дело закрыто, само-

убийство, точка. - Фрэнк сжал кулаки. - А через два дня ко мне пришли Эдвин и Шарлотта - вместе. Она была беременна, на последнем месяце. Они сказали, что Аарон не убивал себя, что его убили, - и что они знают кто.

- И ты обещал им защиту, - сказал Джек.

- Да. Я взял их показания, они назвали имена - тех, кто приказал ухудшить жилеты, тех, кто убил Аарона. Я оформил документы и должен был отправить их в безопасное место утром.

Фрэнк замолчал, и в кабинете стало тихо - только дождь стучал по стеклу, только часы тикали на стене, громко, размеренно, как метроном.

- Но утром их машину нашли в реке, - сказал он. - Вылетела с обрыва. Тело Шарлотты не нашли, Эдвина в машине не было. Я искал три месяца - водолазы, собаки, вертолёты, - ничего. Её объявили пропавшей без вести, Эдвин исчез, а дело закрыли.

- Ты винил себя, - сказал Джек.

- Я виню себя до сих пор. - Фрэнк поднял глаза. - Я обещал им, что они будут жить, что их ребёнок будет жить, - а потом она исчезла, а он растворился.

Замолчал, а потом сказал тихо:

- Нет. Не растворился - стал кем-то другим.

Джек смотрел на него.

- Я не знаю, когда это случилось, - сказал Фрэнк. - Когда он перестал быть Эдвином: может, когда вытащили машину,

может, когда нашли тело Шарлотты - или не нашли, - может, когда он понял, что никто не ответит - ни суд, ни закон, ни я.

Пауза.

- Я не поймал его, Джек. Я его создал.

Он встал и подошёл к шкафу в углу - тому, что стоял за старым фикусом, который давно засох, но никто не выбрасывал, - открыл дверцу, и Джек ожидал увидеть папки, бумаги, может быть, коробки с архивом, но там было другое.

Там стояли тома - толстые, тяжёлые, с чёрными корешками, которые, казалось, впитали в себя пыль и время, - и их было много: целая полка, а может, две. Фрэнк снял один, потом второй, потом третий и положил их на стол перед Джеком.

- Что это? - спросил Джек.

Морроу не ответил сразу - смотрел на тома долго, - а потом сказал тихо, будто выталкивал слова из себя:

- Кашмир Валентайн.

Джек замер: он знал это имя, все знали - Ворон, глава клана, неуловимый, тот, о ком шептались в участке, о ком писали газеты, кого боялись даже те, кто никогда его не видел.

- Ворон, - сказал Джек - не вопросом, а утверждением.

- Да. - Фрэнк кивнул. - Ворон.

Пауза была долгой, и Морроу не смотрел на Джека - смотрел на тома.

- Но это не всё, - сказал он.

Джек ждал.

Фрэнк открыл первый том: на первой странице лежала фотография - мужчина, молодой, лет двадцати пяти, тёмные волосы, густые, волнистые, зачёсанные назад, но не идеально - пара прядей всё равно падала на лоб, - мягкое лицо, внимательные глаза и улыбка, которая не достаёт до глаз.

- Это Эдвин Кроуфорд, - сказал Фрэнк.

Джек посмотрел на фотографию, потом на Фрэнка, потом снова на фотографию: это был тот же человек, которого он видел на снимке с женщиной. Муж Шарлотты. Друг Аарона. Тот, кто хотел справедливости.

- Это он? - спросил Джек. - До того, как всё случилось?

- Да. - Фрэнк кивнул. - Это он. До того, как он потерял жену, друга - и себя.

Открыл второй том: на первой странице лежала другая фотография - сделанная из-под тишка, с расстояния, смазанная по краям. Мужчина шёл по улице: тёмные волосы, зачёсанные назад, густые, тяжёлые, с едва заметной проседью у виска, опущенная голова, руки в карманах длинного чёрного пальто, лицо каменное, наполовину скрытое тенью, и глаза - холодные, как река зимой.

И он смотрел в объектив - прямо, в упор.

- Он знал, что его снимают, - сказал Фрэнк.

Джек поднял глаза.

- Что?

- Фотограф прятался - за углом, в машине, с длинным объективом, - он был профессионал и умел быть незаметным.

- Фрэнк провёл пальцем по фотографии. - Но Ворон видел его, знал, где он, и посмотрел - специально, чтобы фотограф понял: я знаю, что ты здесь, я вижу тебя.

- Через два дня фотографа нашли в его собственной машине. Официально - сердечный приступ: сорок лет, здоровый, без следов насилия.

Закрыл том.

- Это единственное фото, Джек, единственное за двенадцать лет, - и даже оно не помогло. Потому что доказать ничего нельзя. Он смотрит на нас с этой фотографии и знает: мы ничего не можем сделать.

Фрэнк закрыл глаза на секунду, потом открыл и сказал - ровно, тихо, страшно:

- Кашмир Валентайн. Ворон. Это Эдвин Кроуфорд.

Пауза была долгой, как удар.

Джек замер: смотрел на Фрэнка, потом на первый том - на Эдвина, молодого, с мягким лицом, - потом на второй - на Ворона, с холодными глазами, - и видел одного и того же человека, одно и то же лицо, две жизни, одну судьбу.

- Это... - Джек запнулся. - Это тот самый?

Фрэнк кивнул медленно, будто каждое движение давалось ему болью.

- Это он. Эдвин Кроуфорд - учёный, муж Шарлотты и друг Аарона. Человек, который хотел справедливости. - Он замолчал. - Человек, которого я не защитил.

Джек смотрел на фотографии - на два лица, на одного че-

ловека, - и чувствовал, как что-то в нём сжимается. Ворона он знал, все знали, - но не знал этого: что Ворон - это Эдвин, что легенда - это человек, что монстр - это жертва.

- Он стал Вороном, - сказал Джек - не вопросом, а осознанием.

- Да. - Фрэнк посмотрел на него. - Он стал Вороном после того, как потерял всё и понял, что никто не ответит. Ни суд, ни закон. Ни я.

Сел медленно, посмотрел на Джека - долго, тяжело.

- Я собирал это двенадцать лет - каждое дело, каждую смерть, каждую ниточку, которая могла привести к нему. И оборвалась.

Положил руку на стопку томов.

- Здесь шесть томов его дел, шесть штатов, шесть раз, когда я был уверен, что это он, - и шесть раз, когда мне не хватило доказательств.

Джек молчал.

- Он чист, Джек. Понимаешь? Юридически - чист. Ни одного обвинения. Ни одного суда. Ни одного срока. - Фрэнк посмотрел на него. - Я знаю, что он виноват. Я знаю. Но я не могу это доказать. И это хуже, чем если бы я ничего не знал.

- Что нам делать? - спросил Джек тихо.

Фрэнк долго молчал, а потом сказал:

- Искать. Как всегда. Даже если она убьёт нас.

- И что потом?

- Потом - ничего. - Морроу посмотрел на него. - Потому

что я уже опоздал - шестнадцать лет назад, когда не защитил их, не нашёл её тело и не остановил его. - Он замолчал. - Я ищу правду, Джек, но правда не вернёт её - и не вернёт его.

- Тогда зачем?

Фрэнк посмотрел на стопку томов, а затем поднял взгляд на Джека.

- Потому что кто-то должен - даже если это бессмысленно, даже если никто не оценит, даже если он всегда на шаг впереди. - Закрыл глаза. - Потому что если я перестану - то всё было зря.

Джек молчал, глядя на тома - на чёрные корешки, на пыль, которая въелась в бумагу, на шесть жизней, которые Фрэнк собирал по кускам двенадцать лет, - и чувствовал, как что-то тяжёлое и холодное опускается ему на плечи. Не страх и не жалость, а другое: то, что бывает, когда понимаешь - ты только что вошёл в историю, которая началась задолго до тебя и закончится не скоро. Может быть, никогда.

- Фрэнк, - сказал он наконец. - Ты веришь, что мы его найдём?

Детектив Морроу долго не отвечал. Смотрел в окно - на дождь, на серую мглу, на огни города, которые тонули в этой мгле, как будто и они не знали, зачем горят, - а потом перевёл взгляд на Джека, и в его глазах, усталых, серых, с морщинами в уголках, было что-то, что Джек не сразу смог назвать: не надежда и не отчаяние, а что-то третье.

- Не знаю, - сказал он. - Двенадцать лет назад я бы сказал

«да». Сегодня - не знаю.

Встал, подошёл к сейфу и начал складывать тома обратно - один за другим, медленно, как складывают вещи человека, которого больше не увидят. Джек смотрел на его руки - на то, как они держат эти папки, как будто те весят больше, чем должны, - и в какой-то момент поймал себя на мысли, что не хочет уходить, что ему нужно ещё что-то сказать или услышать - что-то, что останется с ним, когда он выйдет из этого кабинета.

- Я начну с неё, - сказал он. - С Шарлотты. Узнаю, кто она была. Где жила. Почему её убили.

Фрэнк замер на секунду, потом закрыл сейф, повернул ключ и обернулся.

- Ты не найдёшь ответов, - сказал он тихо. - Я искал двенадцать лет. Я знаю её дело наизусть - каждую бумагу, каждую фотографию, каждое слово. И до сих пор не могу доказать то, что знаю.

Джек посмотрел на него - долго.

- Ты знаешь, кто это сделал.

Это был не вопрос - Фрэнк это понял и не ответил.

- Фрэнк.

- Иди домой, Джек. - Подошёл к столу, взял портрет Шарлотты - тот, что принёс Джек, - и посмотрел на него ещё раз, долго. Потом положил обратно на стол, поверх папки. - Оставь его у меня. На сегодня.

- Фрэнк, кто это сделал?

- Спокойной ночи, Джек.

Джек стоял и смотрел на него, понимая: Фрэнк не скажет - не сейчас, а может, никогда. Потому что - ярость, страх, стыд, что-то ещё - он был не готов, не мог или не хотел. Джек не знал. Просто видел - по лицу, по глазам, по тому, как Фрэнк сжал край стола, - что этот человек носит в себе нечто старше этого дела. Нечто, что он знал задолго до того, как скелет нашли в оползне.

Не стал давить - развернулся и пошёл к двери.

У выхода остановился, обернулся.

- Спокойной ночи, Фрэнк.

- Спокойной ночи, Джек.

Джек вышел, и дверь закрылась. В кабинете остался только дождь, который стучал по стеклу, - и Фрэнк, который ещё долго сидел в тишине, глядя на портрет Шарлотты и на сейф, где лежали шесть томов. Сейф он не открывал - просто смотрел, и в какой-то момент, уже не видя этого, провёл пальцем по стеклу, под которым лежала она, молодая, улыбающаяся, живая. И сказал тихо, почти беззвучно:

- Прости.

Глава 5. Дети реки

Эмили приехала в университет к полудню - одна, без Джека, потому что так было нужно. Куда едет, она ему не сказала, он не спросил - и в этом молчании было что-то, что они оба понимали без слов: иногда нужно идти одному, чтобы найти то, что потом можно принести обратно. Кампус встретил её тишиной - старая часть города, где здания помнили ещё позапрошлый век, а воздух пахнул бумагой и кофе, - и Эмили шла по аллее, вдоль которой росли клёны, уже наполовину облетевшие, и думала о том, что впервые за долгое время делает что-то сама: не как часть команды, не как судмедэксперт при детективе, а как человек, который хочет найти ответ.

Кабинет профессора Лебедева был на третьем этаже старого здания - того самого, где пахло старой бумагой и кофе, где время текло медленнее, а книги стояли на полках так плотно, что казалось, будто они держат стены. Эмили вошла без стука - она знала, что здесь так принято, - и остановилась на пороге.

Профессор сидел за столом, спиной к доске, сплошь исписанной формулами и схемами, - и когда он поднял голову, стало видно, что он стар: седые волосы всклокочены, как будто он только что провёл по ним рукой, белая борода аккуратно подстрижена, но давно, недели две назад, а очки в

тонкой металлической оправе сидели на самом кончике носа и, казалось, вот-вот упадут. На нём был твидовый пиджак - коричневый, тёплый, с потемневшими локтями, - и галстук в полоску, повязанный небрежно, но с той привычной точностью, которая приходит с десятилетиями.

- Эмили. - Он встал и обнял её, крепко, как отец, и в этом объятии было больше тепла, чем в целой лаборатории. - Давно не заходила. Работа?

- Работа, - сказала Эмили. - И не только.

Он кивнул, и в его глазах - светлых, внимательных, с морщинами в уголках - мелькнуло что-то, что бывает у людей, которые знают больше, чем говорят. Александр Лебедев, потомок русских эмигрантов, всю жизнь изучал народы, живущие у воды, - и, может быть, именно поэтому так хорошо понимал тех, кто уходил.

Эмили села, достала пробы и фотографии, разложила на столе - и профессор смотрел долго, не моргая, потом взял одну фотографию, повертел её, посмотрел на свет, снова на фотографию, нахмурился едва заметно - и встал, подошёл к шкафу и начал искать, долго и медленно, приговаривая себе под нос, тихо, неразборчиво, как приговаривают люди, которые ищут не книгу, а память.

- Где-то здесь… - бормотал он, перебирая папки и книги. - Я помню, я видел, я записал. Двадцать лет назад, может, больше. Редкий этнос, закрытые общины, единение с природой. Они не смешиваются, не выходят, не пускают - и хоро-

нят своих. По-своему. Только по-своему. Где-то здесь…

Он нашёл, вытащил папку - толстую, потрёпанную, пожелтевшую, - положил на стол и открыл: на первой странице было название, что-то о «детях реки», о «речных людях» - народе, которого почти не осталось.

- Вот, - сказал профессор. - Вот они.

Он листал страницы медленно, как листают книги, которые читали давно и теперь узнают заново. На фотографиях были женщины - немолодые, с обветренными лицами и руками, знавшими работу. Они стояли у длинных столов и делали масла из трав и кореньев, из чего-то, что растёт только у реки и цветёт всего несколько дней в году, - и в их движениях была та неторопливая точность, которая приходит только с поколениями. Потом шли другие снимки: тело в яме у корней старых деревьев, почва, пропитанная маслами и травами, ветви, смыкающиеся над могилой, как ладони. Всё как надо, как положено, как делали их предки, как делают они, как будут делать их дети - пока есть хоть один, пока есть хоть кто-то, кто помнит.

Профессор переворачивал страницы, и его палец иногда останавливался на какой-нибудь строчке, и он кивал сам себе - тихо, одобрительно, как кивают люди, которые нашли то, что искали, - а Эмили смотрела не моргая, и в её груди что-то медленно, тяжело проворачивалось, как ключ в старом замке. Это было оно - то самое, что она искала, что чувствовала, что держала в руках уже третий день и не могла

назвать. Теперь она знала, теперь видела, теперь понимала - и от этого понимания по спине шёл холод, потому что одно дело найти объяснение и совсем другое - понять, что за этим объяснением стоит живой человек, который делал всё это своими руками, по своей вере.

- Спасибо, - сказала она тихо.

Профессор кивнул, молча, потом сделал копии - всё, работу, фотографии, записи, - отдал ей, и она взяла, сложила в сумку, встала, пошла к двери и у выхода обернулась.

- Профессор.

Он поднял голову.

- Вы не знаете, сколько их осталось? Людей этого народа?

Профессор смотрел на неё долго, потом сказал:

- Меньше ста тысяч. Во всём мире. Может, меньше. Они не любят регистрироваться, не любят документы, не любят власти. Они просто… живут. Тихо, как река.

Он снял очки и протёр их платком - старым, клетчатым, с потёртыми краями. Потом надел обратно и посмотрел на Эмили - долго, внимательно, как смотрят люди, которые знают больше, чем говорят.

- Как вы их называете? - спросила Эмили.

Профессор чуть улыбнулся - уголком губ, как улыбаются люди, которых наконец спросили о том, что они любят больше всего.

- В моих работах - «дети реки». Но сами они называют себя талуа - это значит… - он задумался на секунду, подби-

рая слова, - «те, кто идёт рядом с водой». Не «живёт» и не «пьёт», а идёт - рядом, всю жизнь.

Эмили кивнула - медленно, будто пробуя слово на вкус.

- Талуа.

- Да. - Профессор кивнул. - Но вы их так не называйте. Они не любят, когда чужие знают их имя.

Эмили вышла из кабинета и остановилась в коридоре. Дождь стучал по стеклу в конце, за поворотом, и этот звук казался единственным, что нарушало тишину старого здания. Она прижимала к груди сумку с копиями, держала спину прямо и смотрела вперёд - за пределы коридора, за пределы этого дня. Теперь у неё было знание - оставалось найти человека.

Джек был в архиве, когда она вернулась. Сидел за длинным столом, заваленным папками, и даже не поднял головы, когда она вошла, - только когда она села напротив и положила сумку на пол, оторвал глаза от бумаг и посмотрел на неё.

- Ты где была?

- В университете, - сказала Эмили. - У профессора Лебедева. Показала ему пробы и фотографии.

Джек отложил папку.

- И?

- Он узнал. - Эмили развернула одну из копий - ту, где ветви смыкались над могилой, как ладони. - Есть народ. Небольшой, закрытый. Живут у воды - у рек, у озёр, у ручьёв. Не смешиваются с другими, не выходят из своих общин, не пус-

кают чужих. И хоронят своих по-своему: в ямах у корней старых деревьев, с маслами, с травами. Всё, что мы нашли, - это их обряд.

Джек долго смотрел на фотографию.

- Как они называются?

- «Дети реки» - так их называют в работах, но сами они - талуа, «те, кто идёт рядом с водой». - Она помолчала. - Профессор сказал, их меньше ста тысяч во всём мире, может, меньше. Они не регистрируются, не любят документы и власти - просто живут. Тихо.

Джек медленно кивнул, и в его глазах что-то изменилось - не удивление, а что-то другое, что бывает, когда разрозненные куски вдруг складываются в картинку.

- Значит, если мы найдём их - в том округе, где нашли тело, - мы найдём того, кто её похоронил.

- Да, - сказала Эмили. - Я уже подумала об этом.

Он начал той же ночью. Архив находился в подвале старого здания суда: окон там не было, пахло пылью и старой бумагой, а под потолком висели длинные лампы дневного света, которые гудели так, что казалось, будто рядом - улей. Джек читал, откладывал, возвращался и снова читал - иногда что-то записывал в блокнот, иногда вычёркивал, иногда вставал и шёл к стеллажам, исчезал между ними и возвращался с новой папкой. Его лицо менялось - от сосредоточенного к жёсткому, а потом и к злому; один раз он так сильно сжал край стола, что костяшки побелели.

Эмили пришла, когда уже стемнело. Не сказала ни слова - просто села напротив, поставила сумку на пол и стала смотреть. Не помогала - он не просил, - просто смотрела, и в этом молчании было что-то, что говорило больше любых слов.

Через час Джек откинулся на стуле и потёр глаза тыльной стороной ладони.

- Ты не обедал, - сказала она.

- Не хочу.

- Джек.

Он поднял на неё глаза - впервые за четыре часа, - и в этом взгляде было столько упрямства и усталости, что она на секунду забыла, что хотела сказать.

- Эмили, - сказал он тихо. - Я не могу не закончить. Понимаешь? Не могу.

Она поняла - молча, без слов, - и больше не сказала ничего. Только встала, вышла из архива, вернулась через двадцать минут с двумя стаканами кофе и пакетом с сэндвичами, поставила перед ним. Джек посмотрел на неё - и в этом взгляде было что-то, чего она не стала называть, - взял стакан, отпил и вернулся к бумагам.

Через несколько часов у них была стопка документов. Судмедэксперт достала карту США - большую, подробную, с границами штатов и округов, - и разложила на столе. Потом взяла карандаш и начала ставить точки. Медленно, одну за другой - туда, где, по данным, жили талуа.

Джек смотрел молча.

Когда она закончила, и последняя точка легла на карту, они оба замерли: увидели то, чего не ожидали, то, что не могло быть совпадением. В том округе, где нашли тело Шарлотты и ребёнка, где оползень вынес на свет то, что должно было остаться скрытым, жили десять человек.

Всего десять - мало, очень мало, но достаточно, чтобы найти, чтобы понять, чтобы узнать.

Джек смотрел на карту долго, потом на Эмили, потом снова на карту, на эти десять точек, которые жгли глаза, как угли.

- Десять, - сказал он тихо. - Я пробью каждого. Всех. Одного за другим.

Эмили кивнула.

К утру он пробил всех. Восемь оказались чистыми - ничего. Девятый был стариком, умершим пять лет назад. Десятая - Мирра Уэлкотти.

Сорок три года, родилась в Луизиане, переехала в Огайо двадцать лет назад, незамужняя, по документам один ребёнок - сын, шестнадцать лет; родила дома, зарегистрировала через три месяца.

Джек смотрел на экран долго.

- Она, - сказал он.

Эмили подошла, посмотрела через плечо.

- Мирра Уэлкотти, - прочитала она. - Живёт на окраине городка, у реки. Эко-мастер. Продает вещи, сделанные своими руками: свечи, вязанные вещи, украшения из камней,

смолы и минералов, саше и благовония, глиняная керамика.

- Завтра, - сказал Джек.

- Завтра, - согласилась Эмили.

Он закрыл ноутбук, и в архиве стало тихо - только гудела лампа и где-то далеко, наверху, шумел дождь. Они сидели молча, глядя на карту с десятью точками, и в этой тишине было что-то, что связало их крепче любых слов: они нашли - не ответ, но путь к нему.

Глава 6. Мирра

Дом Мирры Уэлкотти стоял на окраине городка, у самой реки - там, где улицы уже заканчивались и начиналось что-то другое, не городское и не деревенское, а своё, отдельное, живущее по собственным законам. Джек припарковался у калитки и заглушил двигатель, и несколько секунд они сидели молча, глядя на дом через лобовое стекло. Он был старый, но ухоженный: резные ставни, выкрашенные в синий, веранда с низкими перилами, увитая плющом, который осенью стал багряным, и в этом багрянце было что-то, от чего дом казался не заброшенным, а живым - как будто кто-то жил здесь давно, с любовью, с руками, которые знали каждый угол.

- Готова? - спросил Джек, не оборачиваясь.

Эмили кивнула - коротко, без слов. Смотрела на дом, и в её взгляде было что-то, чего Джек не видел раньше: не холод, не профессионализм, а что-то другое, что бывает у людей, которые знают, что сейчас войдут в чужую жизнь и, может быть, разрушат её. Не любила это, но делала - потому что так было надо.

Вышли из машины и пошли к калитке. Сад вокруг дома был аккуратный, но не такой, как у обычных садоводов: грядки с травами, которые Эмили не сразу узнала - не укроп и петрушка, а что-то другое, пряное, тянущееся к последнему

теплу, - и в этом было что-то почти забытое, древнее, от чего по спине шёл лёгкий холод. На крыльце стояли старые деревянные качели с выцветшей подушкой, и на подушке лежало вязаное одеяло - небрежно, как будто кто-то сидел здесь утром и забыл.

Джек постучал, и дверь открылась почти сразу - как будто их ждали.

Мирра Уэлкотти стояла на пороге, и первое, что бросилось в глаза, - её одежда. Не платье, не халат, а что-то среднее: вышитая рубаха с широкими рукавами, жилетка, расшитая бисером и цветной вышивкой - травами, цветами, рекой, - несколько ниток бус на шее из дерева, камня и стекла, и длинная юбка в цветах, красных и зелёных, как летний луг. В ушах - серьги из речного камня, тёмного, с прожилками, которые ловили свет, когда она поворачивала голову. Волосы - тёмные, волнистые, выбивавшиеся из-под пёстрого платка, расшитого по краю мелким бисером, - обрамляли лицо с яркими, живыми глазами, серо-зелёными, с тёмным ободком у зрачка, и в этих глазах было столько тепла и спокойствия, что Джек на секунду забыл, зачем пришёл.

- Чем могу помочь? - спросила она, и голос её был ровный, без суеты, без раздражения.

Джек показал значок.

- Детектив Штальц. Это судебный эксперт Шоу. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

Мирра чуть нахмурилась - едва заметно, на мгновение, -

но потом кивнула и отступила в сторону.

- Проходите.

В доме пахло травами и старым деревом, и ещё чем-то - тёплым, пряным, неуловимым, как будто здесь недавно пекли хлеб или сушили коренья. Внутри дом был не таким, как снаружи: снаружи аккуратный, почти обыкновенный, внутри - живой, пёстрый, набитый красками и вещами, которые, казалось, жили своей собственной жизнью. Стены выложены цветной плиткой - синей, зелёной, жёлтой - с узорами, которые повторялись, как строчки в старинной книге: цветы, листья, птицы, река. Плитка шла и по кухне, и по коридору, и даже вокруг дверей, и в ней не было ничего музейного - просто женщина, которая двадцать лет собирала красоту по кусочкам. Кухонные шкафы были выкрашены в разные цвета - один фиолетовый, другой оранжевый, третий голубой, - и на каждом лежала своя история: где-то откололась краска, где-то остался след от детской руки, где-то приклеена вырезка из старого журнала. На полках теснились банки с травами и специями, глиняная посуда, свечи, старые фотографии в деревянных рамках, корзины, плетёные из лозы, и деревянные шкатулки с резьбой. С потолка свисали пучки сушёных трав, и в воздухе от них стоял тот самый запах, который Эмили уловила с порога. Окна были забраны цветными витражами, и свет, проходя сквозь них, ложился на пол разноцветными пятнами. Под потолком, в углу, была устроена антресоль - маленькая, деревянная, с лестницей, - и на ней тоже что-то

лежало: свёрнутые ковры, коробки, старые ткани. В углу стояло старое пианино, на котором лежала вышитая скатерть. На стенах висели ковры, ткани, вышивки, связки сушёных цветов; на полу - ковры; на кровати - лоскутные одеяла; на креслах - подушки, расшитые бисером. Дом был похож на шкатулку, в которой хранили не вещи, а память, - и эту шкатулку хозяйка собирала своими руками всю жизнь.

Сели за стол - тяжёлый, тёмного дерева, с вырезанными по краю узорами. Мирра осталась стоять, скрестила руки и посмотрела на них.

- Слушаю.

Джек достал фотографию - восстановленное лицо женщины, молодой, с тёмными волосами и мягкими чертами, - и, положив снимок на стол, пододвинул его к Мирре.

- Вы знаете эту женщину?

Мирра взяла снимок и посмотрела на него долго - так долго, что Эмили показалось, будто она не узнаёт, а вспоминает. Потом покачала головой и вернула фотографию.

- Нет. Никогда её не видела.

- Вы уверены? - спросил Джек. - Это очень важно.

- Уверена. - Голос ровный, без запинки, без дрожи. - Я живу здесь двадцать лет. Знаю всех в округе. Этой женщины я не знаю.

Джек кивнул, но не отступил.

- Мы нашли её останки в оползне. Она была убита, примерно шестнадцать лет назад. Вы жили здесь в то время?

- Жила.

- Может, вы видели что-то необычное? Кто-то приезжал, останавливался, снимал дом?

Мирра покачала головой.

- Нет, ничего такого.

Но Джек видел: пальцы, которые держали фотографию, чуть побелели на углах - едва заметно, но побелели.

Он не сказал ничего - просто кивнул и убрал снимок, а Эмили молчала, глядя не на Мирру, а на стену за её спиной, туда, где в углу стоял старый резной комод, а над ним висели полки, уставленные кубками и медалями. Фотографии в рамках: команда мальчиков в хоккейной форме, парень с клюшкой, парень со шлемом, парень на пьедестале. Одна фотография - крупным планом: молодой человек, лет пятнадцати, счастливый, вспотевший, с медалью на шее. Тёмные волосы, мягкие черты, серые глаза с тёмным ободком у зрачка, высокие скулы, прямой нос с низкой переносицей.

Эмили встала, и Джек бросил на неё быстрый взгляд, но она уже подошла к комоду.

- У вас сын? - спросила она, не оборачиваясь.

Мирра напряглась - едва заметно, плечи стали чуть прямее, руки чуть плотнее сжались, - но голос остался ровным.

- Да. Кайрен.

- Он спортсмен?

- Хоккеист. Лучший в своей возрастной группе. - В голосе Мирры прозвучала гордость, но под ней - тонкая, как паути-

на, тревога. - Он сейчас учиться в академии, в другом городе.

Эмили кивнула и снова посмотрела на фотографию парня со шлемом - что-то в его лице было знакомое, что-то, что она не могла назвать, - потом перевела взгляд на фотографию женщины, которую они нашли, и снова на парня, и снова на женщину.

- Красивое имя, - сказала она ровно. - Кайрен. Необычное.

Мирра чуть расслабилась и улыбнулась - уголком губ, едва заметно.

- Да, оно из нашего народа, из моего племени, - сказала она и помолчала, а потом добавила тише, будто говорила не им, а себе: - Оно означает «дарованный» - тот, кого дают, кого нельзя заслужить, нельзя купить, нельзя найти, потому что его просто дают. Свыше, судьбой. И ты берёшь - и бережёшь. Всю жизнь.

Эмили замерла на секунду, едва заметно, а потом медленно повернулась и посмотрела на Мирру долго.

- Дарованный, - повторила она.

- Да, - сказала Мирра, и в глубине её светлых глаз что-то дрогнуло. - Мы верим, что дети приходят не просто так, что их дают - и когда дают, это дар. Особый. Его нельзя потерять, его нужно беречь. Всю жизнь.

Эмили молчала долго, а потом кивнула - медленно, едва заметно, - и повернулась к комоду. Ещё секунду смотрела на фотографию, на застывшее в рамке лицо мальчика, который ещё не знал, что где-то в бумагах лежит скелет его матери.

Потом, убедившись, что Мирра отвлеклась на Джека - тот задавал очередной вопрос, что-то про соседей, про машины, которые могли стоять у дома шестнадцать лет назад, - быстро и бесшумно сняла одну фотографию со стены. Ту самую, где Кайрен со шлемом. Скользнула ею в сумку. И повернулась.

- Спасибо, миссис Уэлкотти, - сказала она ровно. - Вы нам очень помогли.

Джек поднялся, бросив на неё вопросительный взгляд. Эмили едва заметно качнула головой: не сейчас. Они попрощались и вышли, и калитка скрипнула за спиной - тихо, как вздох.

Джек сел за руль, но не завёл двигатель - смотрел на неё долго, молча.

- Ты что-то заметила, - сказал он наконец - не вопросом, а утверждением.

Эмили кивнула и достала из сумки фотографию. Джек посмотрел на неё, потом на Эмили.

- Ты украла фото?

- Посмотри, - сказала она, игнорируя его тон. - Просто посмотри на его лицо.

Джек взял снимок: парень улыбался, держа шлем, - тёмные волосы, мягкие черты, глаза серые, с тёмным ободком у зрачка, высокие скулы, мягкая линия челюсти. Он нахмурился.

- И что?

- Смотри внимательно, - сказала Эмили. - Не на улыбку -

на структуру, на форму черепа. На скуловые дуги, которые у него высокие и выраженные, на надбровные - мягкие, почти женские, на орбитальную область - широкую, на носовую кость - прямую, с низкой переносицей, на линию нижней челюсти - плавную, без резких углов, и на подбородок - округлый. Это доминантные черты, они наследуются, и их не спрячешь.

Джек смотрел на неё, потом снова на фотографию, потом опять на неё.

- Эмили. Я не понимаю, что ты говоришь. Ты можешь по-человечески?

Она вздохнула тихо, а потом достала из сумки вторую фотографию - ту, которую они взяли из материалов дела: Шарлотта, молодая, с тёмными волосами, мягкими чертами и серыми глазами, - и положила её рядом с фотографией Кайрена. Две фотографии, два лица - рядом.

- Смотри, - сказала она. - Просто смотри.

Джек смотрел долго, а потом его глаза расширились.

- Чёрт возьми.

- Да, - сказала Эмили тихо. - Они похожи. Очень похожи. Те же скуловые дуги, та же линия челюсти, тот же разрез глаз. Это не совпадение. Это наследственность. Доминантные черты. Мать и сын.

Джек смотрел то на парня, то на Шарлотту - те же серые глаза, та же линия челюсти, тот же изгиб губ, - и если бы он не знал, что это разные люди, он бы решил, что они род-

ственники.

- Она соврала, - сказал он медленно. - Мирра. Она знает эту женщину.

- Знала, - поправила Эмили. - Шестнадцать лет назад, когда та была ещё жива.

Джек откинулся на спинку сиденья, глядя в лобовое стекло, - и в этот момент что-то в его памяти щёлкнуло, тихо, как замок, который открылся сам.

- Уэлкотти, - сказал он медленно. - Уэлкотти. Я знаю, где я слышал это имя.

Эмили посмотрела на него.

- Где?

- По телевизору. Года два назад, может, три. Спортивный канал. - Он нахмурился, вспоминая. - Показывали мальчика, юного хоккеиста, лучшего нападающего - Кайрен Уэлкотти. Ему было тринадцать, может, четырнадцать, и он забил тогда какой-то невероятный гол: через всю площадку, в верхний угол, - и комментатор сказал: «Запомните это имя. Кайрен Уэлкотти. Будущее американского хоккея». Я тогда ещё подумал: красивое имя, необычное.

Он замолчал, посмотрел на Эмили.

- Это он. Тот самый мальчик с телевизора: сын Шарлотты и Эдвина.

Эмили кивнула медленно, а потом посмотрела на фотографию Кайрена - на его лицо, на серые глаза, на улыбку, - и сказала тихо:

- Кайрен. Дарованный. - Она помолчала. - Так его назвала Мирра. Женщина, которая верит, что дети приходят не просто так, что их дают. Свыше. Судьбой.

Джек смотрел на неё долго, а потом сказал:

- Ты понимаешь, что это значит?

- Понимаю, - сказала она. - Мы нашли не просто скелет. Мы нашли мать Кайрена. И теперь нам нужно выяснить, кто её убил. И почему Мирра так отчаянно это скрывает.

Джек завёл двигатель, машина тронулась, и дом Мирры остался позади - с резными ставнями, с качелями на крыльце, с травами в саду, которые Эмили так и не смогла узнать, - и в зеркале заднего вида он уменьшался, пока не превратился в точку, а потом исчез совсем.

Глава 7. Кровь

Эмили вернулась в лабораторию к вечеру - одна, потому что Джек поехал в участок, к Фрэнку, с фотографиями и с тем, что они узнали от Мирры. Она зажгла свет, и лаборатория ожила привычным гулом ламп, запахом формалина и тем особым холодом, который не имеет ничего общего с температурой, но всегда напоминает о том, что здесь, внизу, время течёт иначе. Эмили надела халат, перчатки, стянула волосы в тугой хвост - и стала тем, кем была всегда за этим порогом: инструментом, скальпелем, машиной, которая находит ответы.

Достала из сумки фотографию Кайрена - ту, которую украла у Мирры, - и положила её на стол рядом с портретом Шарлотты. Две фотографии, два лица - и сходство, которое невозможно было не заметить. Но сходство - это не доказательство: сходство видит глаз, а глаз ошибается. Нужно было то, что не ошибается, то, что нельзя оспорить, - кровь.

Эмили села за компьютер и открыла базы, к которым имела доступ как судмедэксперт. Работала медленно, не потому что торопиться было некуда, а потому что ответы приходят к тем, кто не торопится. За окном шёл дождь, тот же самый, что шёл весь день, и его стук по стеклу сливался с гулом лампы в один ровный, усыпляющий звук. В лаборатории пахло

формалином и старым железом, и этот запах въелся в её халат, в волосы, в кожу - так, что она перестала его замечать много лет назад.

Она нашла медицинскую карту Шарлотты Кроуфорд - ту, что осталась в архиве от дела шестнадцатилетней давности. Шарлотта Кроуфорд, двадцать восемь лет, группа крови - третья, резус отрицательный. Эмили записала. Потом открыла базу данных академии «Riverstone» - к ней у неё был доступ как у судмедэксперта по текущему делу, и медицинская карта Кайрена Уэлкотти лежала в открытом доступе для сотрудников, работающих с несовершеннолетними. Кайрен Уэлкотти, шестнадцать лет, группа крови - четвёртая, резус отрицательный. Эмили записала. Потом запросила медицинскую карту Мирры Уэлкотти из местной клиники - через официальный запрос, как судмедэксперт.

Пока ждала ответ, решила проверить ещё одно - данные об Эдвине Кроуфорде. Не группу крови - это она могла найти в архиве, - а всё остальное: место рождения, образование, работу, медицинские записи. Всё, что могло быть в электронных базах. Ввела его имя в поиск - и не нашла ничего: пусто, ни одной записи, ни одной строчки, как будто человека по имени Эдвин Кроуфорд никогда не существовало.

Эмили нахмурилась. Попробовала ещё раз - через другую базу, потом через третью, потом через четвёртую, - и с каждым разом чувствовала, как что-то холодное, тяжёлое опускается ей на плечи. Ничего. Откинулась на стуле и посмот-

рела в стену. В лаборатории было тихо - только гудела лампа и капала вода. Она знала, что это значит. Кто-то очень тщательно почистил все базы. Не просто удалил - стёр, так, чтобы не осталось даже следа, чтобы никто и никогда не смог найти Эдвина Кроуфорда. Живого или мёртвого.

Взяла телефон и позвонила Себастьяну. Гудки шли долго - один, второй, третий, - и она уже хотела сбросить, когда на том конце наконец ответили.

- Chérie! Я знал, что ты позвонишь. Я чувствовал вибрацию. Я говорил себе: «Себастьян, детка, сегодня Эмили позвонит». И вот - voilà - ты звонишь.

- Себастьян.

- Я слушаю, детка. Говори.

Эмили помолчала секунду, две, потом сказала ровно:

- Мне нужно, чтобы ты посмотрел один череп.

На другом конце стало тихо - не мёртво, а по-другому: так, будто человек перестал двигаться, перестал жестикулировать, перестал крутиться и весь обратился в слух.

- Череп, - повторил Себастьян. - Хорошо. Какой?

- Маленький.

- Маленький, - сказал он. - Chérie, уточни.

- Ребёнок. Не европеоидный. Нужно лицо.

Снова тишина - на этот раз длинная. Эмили слышала, как он дышит, как где-то на фоне играет музыка - тихая, джазовая, из тех пластинок, которые он ставил всегда, когда работал, - и как он медленно выдохнул.

- Ребёнок, - сказал он наконец, и в его голосе не было ни обычной лёгкости, ни игры. - Детка, ты знаешь, что я не люблю детей. Я их не умею - у них нет ничего, ни характера, ни истории, ни морщин, по которым можно прочитать жизнь. Только форма, только кости. Я не могу додумать, не могу добавить. Это как рисовать пустоту.

- Я знаю, Себ.

- Тогда почему ты просишь?

Эмили молчала долго, потом сказала тихо, так, как говорила редко, почти никогда:

- Потому что это важно. Потому что это единственное, что у нас есть. Потому что если мы не узнаем, чей это ребёнок, мы не узнаем ничего.

Пауза. Долгая. На той стороне что-то скрипнуло - он, наверное, переложил телефон из руки в руку или переставил что-то на столе, - и Эмили представила его: сидит в своей мастерской, среди рисунков и масок, среди ярких тканей и старых фотографий, и в глазах у него сейчас нет ни улыбки, ни блеска, только что-то другое, серьёзное, взрослое.

- Ты никогда меня ни о чём не просила, - сказал он наконец. - Ты самая упрямая женщина, которую я знаю. Ты скорее умрёшь, чем попросишь помощи. И вот ты звонишь мне. Ночью. И просишь.

- Да.

- Тогда я сделаю.

- Себ...

- Я сделаю, детка. - И в его голосе снова появилась музыка, лёгкость, жизнь - та самая, которую он носил с собой, как носят шляпу. - Но ты мне кое-что задолжаешь: придёшь ко мне, выпьешь вина, послушаешь, как я играю. Один вечер. Только мой.

- Хорошо.

- Voilà. - Он усмехнулся. - Вот теперь я знаю, что ты действительно серьёзно. Обычно ты торгуешься.

Эмили хмыкнула - тихо, почти неслышно, - но он услышал. Он всегда слышал.

- Я приеду через час и возьму его у тебя, - сказал он. - Это ребёнок, детка. Это небыстро. Я позвоню, когда закончу. Может, ночью. Может, утром.

- Хорошо.

- И ещё, - он помолчал. - Ты ведь не сказала Джеку.

- Нет.

- Почему?

- Потому что я не знаю, что он скажет.

Себастьян засмеялся - мягко, без насмешки, с той теплотой, которая всегда пряталась под его театральностью.

- Chérie, он скажет то, что говорит всегда: что он рядом, что он поможет, что он запомнит каждое твоё слово. Ты это знаешь, и я это знаю, и весь город это знает. - Пауза. - Звони ему. Не тяни.

- Позвоню.

- Вот и умница. - И снова эта его лёгкость, эта музыка в

голосе. - До скорого, детка. Жди. Au revoir.

Он отключился, и Эмили положила телефон на стол. Посмотрела на кости - на крошечный череп, который лежал на металлическом столе, - и в какой-то момент поймала себя на мысли, что ей стало легче. Не потому, что проблема решилась, - потому, что она перестала быть одна.

Себастьян приехал через час - вошёл без стука, как всегда, но на этот раз не сказал ни «chérie», ни «детка» - просто подошёл к столу, посмотрел на череп долго, не моргая, а потом взял его двумя руками, осторожно, как берут что-то, что может рассыпаться от одного неверного движения. Он не сказал ни слова - ни шутки, ни комментария, ни обычной своей болтовни. Просто держал череп в руках и смотрел на него так, как смотрят на то, что не должно было существовать. Потом поднял глаза на Эмили, и в этом взгляде было что-то, чего она не видела никогда: не лёгкость, не иронию, а что-то тяжёлое, взрослое, настоящее. Он кивнул ей - один раз, коротко, - и вышел, не оборачиваясь.

Ответ из клиники пришёл ночью. Мирра Уэлкотти, сорок три года, группа крови - первая, резус положительный. Эмили записала.

Она разложила три листа на столе - один рядом с другим - и смотрела на них долго, не моргая. Третья отрицательная. Четвёртая отрицательная. Первая положительная. Эмили знала, что это значит, ещё до того, как начала считать, но всё равно считала - потому что так было надо, потому что

она не могла позволить себе ошибиться.

Мирра не могла быть матерью Кайрена. Первая группа и четвёртая - несовместимы: если у одного из родителей первая группа, у ребёнка не может быть четвёртой - ни при каких обстоятельствах, ни в какой комбинации. Это не редкость и не исключение - это невозможно. Она просто не была матерью. Точка.

А Шарлотта - могла. Третья группа у неё, четвёртая у Кайрена - совместимо, потому что у родителей с третьей и четвёртой группами может быть ребёнок с четвёртой. И резус - отрицательный у Шарлотты, - а значит, если у отца положительный, но гетерозиготный, ребёнок мог унаследовать отрицательный: это редкость, но это возможно. А значит, Кайрен мог быть её сыном - если, конечно, у отца была четвёртая группа. Но этого Эмили пока не знала. И пока не знала - не могла сказать точно. Могла только предполагать. А предполагать - это не её работа.

Она откинулась на стуле и посмотрела в стену. В лаборатории было тихо - только гудела лампа и капала вода из плохо закрытого крана. Эмили думала о Мирре - о женщине, которая двадцать лет жила в этом городке, лечила людей травами, помогала всем, кто приходил, и всё это время носила в себе то, что нельзя было рассказать никому. О Кайрене - мальчике, который не знал, кто его родители, и, может быть, никогда не узнает. О Шарлотте - женщине, которая умерла, чтобы дать ему жизнь, и о которой он не знал ничего.

Взяла телефон и набрала Джека. Гудки: один, два, три.

- Штальц.

- Джек, это Эмили. Я закончила с кровью.

Она слышала, как он дышит, как где-то на фоне шумит город.

- Что там?

- Мирра не мать. - Эмили сказала это ровно, без эмоций, как читала бы отчёт. - У неё первая группа, резус положительный, у Кайрена - четвёртая, резус отрицательный. Это невозможно. А у Шарлотты - третья, резус отрицательный. Она могла быть его матерью. Но мне нужна группа отца.

Пауза была долгой. Дольше, чем нужно. Эмили слышала, как Джек выдохнул - медленно, тяжело, как выдыхают люди, которые только что получили подтверждение тому, что уже знали, но всё равно надеялись, что ошибаются.

- Ты уверена?

- Уверена - кровь не врёт, - но без отца я не могу сказать точно.

- Хорошо. - Он помолчал. - Я у Фрэнка. Давай встретимся утром. У него могут быть документы Эдвина.

- Хорошо. Утром.

Она отключилась и ещё секунду держала телефон в руке, глядя на экран, который погас. В лаборатории было тихо - так тихо, что она слышала собственное дыхание. И в этой тишине было что-то, от чего становилось не по себе: она только что сказала вслух то, что до этого жило только в цифрах

на бумаге. Теперь это стало реальным - и теперь это нельзя было развидеть.

Собрала бумаги в папку и вышла. Дверь закрылась за ней с мягким щелчком, и в лаборатории снова стало тихо - только гудела лампа и капала вода.

Утром она приехала в участок. Фрэнк сидел за столом, и перед ним лежала та самая папка - старая, пожелтевшая, с обтрёпанными краями. Не читал её - просто смотрел, как смотрят на вещь, которая слишком долго лежала в сейфе и теперь должна была выйти на свет. Когда Эмили вошла, он поднял голову - медленно, как человек, который уже знает, что услышит, - и откинулся на спинку кресла. Джек стоял у окна, спиной к ним, и смотрел на дождь.

- Ты что-то нашла, - сказал Фрэнк - не вопросом, а утверждением.

Эмили села напротив, положила папку на стол и открыла её. Достала три листа - медицинские карты - и разложила их перед Фрэнком, один рядом с другим.

- Группы крови, - сказала она. - У Шарлотты - третья, резус отрицательный. У Кайрена - четвёртая, резус отрицательный. У Мирры - первая, резус положительный. - Она помолчала, давая ему время осознать. - Мирра не может быть его матерью. Шарлотта - может. Но мне нужна группа отца, чтобы подтвердить.

Фрэнк смотрел на бумаги долго, не моргая. Потом поднял глаза на Эмили, и в его взгляде - усталом, сером, с морщи-

нами в уголках - что-то дрогнуло.

- Ты уверена?

- Уверена. Кровь не врёт.

Фрэнк медленно кивнул, потом открыл свою папку - ту самую, старую, - и начал листать. Долго, как будто искал что-то, что помнил наизусть, но хотел увидеть своими глазами. Наконец остановился, нашёл, поднял глаза.

- У Эдвина была четвёртая группа, - сказал он тихо. - Резус положительный.

Он положил лист на стол - медленно, как кладут что-то, что слишком долго лежало в темноте и теперь должно было увидеть свет. Бумага была старая, с машинописным текстом и печатью, и в углу - выцветшая подпись врача, которого давно нет в живых. Эмили смотрела на эту подпись и думала о том, что когда-то этот человек сидел за столом, заполнял карту, ставил печать - и не знал, что через двадцать лет его почерк будет решать чью-то судьбу.

И тут она вспомнила про базы. Про то, что искала данные об Эдвине - и не нашла ничего.

- Фрэнк, - сказала она. - Я вчера проверяла электронные базы. Искала данные об Эдвине Кроуфорде - место рождения, образование, работу, медицинские записи. Всё, что могло быть в системе.

- И?

- Ничего. Пусто. Ни одной записи. Как будто человека по имени Эдвин Кроуфорд никогда не существовало.

Фрэнк замер на секунду - едва заметно, - а потом медленно поднял на неё глаза, и в этом взгляде было что-то, чего она не видела раньше: не удивление, не страх, а что-то другое, глубже, что-то, что жило в нём все эти годы и теперь выходило наружу.

- Ты уверена? - спросил он тихо.

- Уверена. Я проверила четыре базы. Все пустые. Кто-то очень тщательно почистил всё.

Фрэнк молчал долго, глядя на неё не моргая, а потом перевёл взгляд на папку, которая лежала перед ним, - на старую, пожелтевшую папку с обтрёпанными краями, - и в его лице что-то изменилось: медленно, тяжело, как трещина в стекле.

- Это он, - сказал он тихо. - Ворон.

Пауза была долгой. Джек отошёл от окна, посмотрел на Фрэнка, потом на Эмили, потом снова на Фрэнка.

- Ты уверен? - спросил он.

- Уверен. - Фрэнк кивнул, медленно, как человек, который знает, что говорит. - Он почистил все базы. Все, до одной. Чтобы никто не смог найти Эдвина Кроуфорда. Ни живым, ни мёртвым. Никак.

Он замолчал, глядя на папку - на единственное место, где сохранились данные: на бумагу, на то, что нельзя было стереть одним нажатием кнопки.

- Вот почему я все эти годы собирал бумаги, - сказал он тихо. - Электронные базы он почистил, а о том, что у меня

есть копии, не знает. Бумага не исчезает - её нельзя удалить, только сжечь. А он не знает, что она у меня.

Он поднял глаза на Эмили и Джека, и в его взгляде - усталом, сером, с морщинами в уголках - было что-то, чего они не видели раньше. Не страх и не злость, а что-то третье, что-то, что бывает у людей, которые только что поняли: они не просто ищут правду - они играют против кого-то, кто уже сделал первый ход.

Эмили медленно кивнула, и в её глазах что-то встало на место.

- Тогда всё сходится. - Она взяла лист Шарлотты и лист Кайрена, положила их рядом. - Третья и четвёртая группы совместимы. У Шарлотты резус отрицательный, у Эдвина положительный - но, если у него гетерозиготный резус, ребёнок мог унаследовать отрицательный: это редкость, но это возможно. - Она подняла глаза. - Кайрен - их сын. Обоих.

Фрэнк смотрел на бумагу долго, не моргая, а потом закрыл папку - медленно, - положил на неё руку, будто хотел удержать.

- У Эдвина есть сын, - сказал он тихо. - Живой, шестнадцать лет, - и я не знал.

Джек подошёл к столу и сел напротив.

- Ты знаешь больше, чем говоришь, - сказал он. - Я вижу. Ты знал Шарлотту и вёл её дело, ты знал Эдвина - и всё это время молчишь.

Фрэнк молчал долго, а потом поднял глаза.

- Я не знаю всего, - сказал он. - Я знаю только то, что было шестнадцать лет назад. Шарлотта, жена Эдвина, - они хотели дать показания против «Вангарда», и их пытались убить. Машина упала в реку. Все думали, что она погибла. Я тоже так думал.

- А Кайрен?

- Я не знаю. - Фрэнк покачал головой. - Я не знал, что она выжила. Я не знал, что она родила. Я не знал, что у неё есть сын. Пока вы не сказали.

Джек смотрел на него долго, а потом сказал

- Тогда поехали к Мирре - снова, с документами, с кровью, со всем, что у нас есть, - и спросим напрямую. Но не сегодня. Завтра. Дадим ей день. И себе тоже.

Фрэнк кивнул - медленно, как человек, который знает, что после этого разговора обратной дороги уже не будет.

- Завтра.

И тут телефон Эмили завибрировал. Она взглянула на экран - сообщение от Себастьяна. Открыла его и на секунду замерла.

Это был рисунок: лицо ребёнка - маленькое, крошечное, выполненное карандашом, с той мягкостью, которая бывает только у Себастьяна, когда он делает что-то не для денег, не для славы, а потому, что надо. Мальчик - тёмные волосы, мягкие черты, серо-зелёные глаза с тёмным ободком у зрачка, высокие скулы, прямой нос с низкой переносицей, округлый подбородок.

Эмили смотрела на него долго, не моргая, а потом медленно подняла глаза - на Джека, на Фрэнка, - и в её взгляде было что-то, чего они не видели раньше: не удивление и не страх, а что-то глубже, что-то, что бывает, когда куски наконец складываются в картинку, и картинка оказывается хуже, чем ты думал.

Она перевернула телефон и показала им экран.

- Это ребёнок Мирры, - сказала она тихо. - Тот, который родился и умер. Тот, которого она похоронила в тазу Шарлотты.

Фрэнк смотрел на рисунок долго, потом - на Джека, потом снова на рисунок, и в его лице что-то изменилось: медленно, тяжело, как трещина в стекле.

- Он похож на неё, - сказал он тихо. - На Мирру.

Эмили кивнула.

- Да. Тёмные волосы, серо-зелёные глаза, те же скулы, та же линия челюсти. - Она помолчала. - Это её сын - родной сын, которого она потеряла, - и она похоронила его в чужой могиле, чтобы он не был один.

Джек смотрел на рисунок, и в его глазах - усталых, серых, с тёмными кругами от бессонных ночей - было что-то, чего Эмили не видела раньше. Не жалость и не сострадание, а что-то другое, что-то, что бывает, когда понимаешь: ты только что увидел правду - не ту, которую искал, а ту, которая была всё это время и которую ты не хотел видеть.

- Мы должны ей это показать, - сказал он тихо. - Мирре.

Она должна знать, что её сын... что он был похож на неё.

Фрэнк кивнул.

- Завтра.

Они встали и пошли к двери. И в этой тишине - в этой комнате, где только что прозвучали цифры, которые не оставляли выбора, и рисунок, который подтвердил то, что никто не хотел подтверждать, - было что-то, что связало их крепче любых слов: они нашли правду - не ответ, но правду.

Глава 8. Истина

Они поехали к Мирре на следующий день - втроём, как и договаривались, - и утро выдалось серым, как и все предыдущие, с тем же мелким дождём, который то начинался, то прекращался, оставляя на дороге лужи, в которых отражалось небо, тяжёлое и низкое, без единого просвета. Джек вёл молча, Фрэнк сидел сзади и смотрел в окно, а Эмили держала на коленях сумку, в которой лежал конверт - плотный, без подписи, - и всю дорогу думала о том, как они войдут в этот дом и как скажут женщине, которая двадцать лет хранила чужую тайну, что они знают её сына, которого она потеряла, - и что теперь им придётся рассказать ей всё.

Джек припарковался у той же калитки, что и в прошлый раз, и несколько секунд они сидели молча, глядя на дом через лобовое стекло. Он выглядел так же, как и раньше, - резные ставни, выкрашенные в синий, качели на крыльце, травы в саду, - и в этом постоянстве было что-то, от чего становилось не по себе, как будто дом жил своей жизнью, не замечая, что вокруг него рушится чужая.

Джек смотрел на этот дом и вспоминал, что сказал ему врач, когда он приезжал подтверждать документы. «Вы её не трогайте, - сказал старик, и в голосе его было что-то, от чего Джек не сразу нашёл что ответить. - Она хорошая. Двадцать

лет здесь. Лечит людей, когда у них нет денег на доктора. Даёт настойки, мази - иногда за еду, иногда за так. Ей весь городок обязан. Если вы её обидите - вам этого не забудут». Джек тогда кивнул, не сказав ничего, но эти слова остались в нём - как остаётся в человеке всё, что он слышит о другом человеке и не может забыть.

- Готовы? - спросил он, не оборачиваясь.

Фрэнк кивнул коротко, без слов, и Эмили тоже - она смотрела на дом, и в её взгляде было что-то, чего не было в прошлый раз: не холод, не профессионализм, а что-то другое, что бывает у людей, которые знают, что сейчас войдут в чужую жизнь и, может быть, разрушат её. Не любила это, но делала - потому что так было надо.

Вышли из машины и пошли к калитке, которая скрипнула тихо, как вздох, и поднялись на крыльцо. Джек постучал, и дверь открылась почти сразу, как будто их ждали. Мирра стояла на пороге - в той же вышитой рубахе, в той же жилетке, с теми же бусами на шее, - и когда она увидела их, что-то в её лице изменилось: не удивление, не страх, а что-то другое, что бывает у людей, которые знали, что этот день придёт, и готовились к нему.

Она посмотрела на них долго - на Джека, на Эмили, на Фрэнка, - и в какой-то момент её взгляд задержался на Фрэнке дольше, чем на остальных, так, как смотрят на человека, которого никогда не видели, но о котором слышали много. Потом она отступила в сторону и сказала тихо, почти без-

звучно:

- Проходите.

В доме пахло травами и старым деревом - тем самым запахом, который Эмили запомнила с первого визита. Сели за стол, тяжёлый, тёмного дерева, с вырезанными по краю узорами, и Мирра осталась стоять, скрестив руки на груди, и в этой позе было столько напряжения, что казалось, будто она держится за себя, чтобы не развалиться.

- Я уже сказала всё, что знала, - сказала она.

- Нет, - сказал Джек. - Не всё.

Он открыл папку и положил на стол первую бумагу - медицинскую карту, старую, с печатью.

- Группа крови, - сказал он, и на этот раз говорил медленно, не торопясь, давая ей время понять каждое слово. - У Кайрена четвёртая, у вас - первая, а у женщины, чьи останки мы нашли, - третья. Вы не можете быть его матерью, а она - может. И ещё: у её мужа была четвёртая группа. Мы проверили - тот же тип, что у Кайрена. Это не совпадение. Это наследственность.

Мирра смотрела на бумагу молча, долго, не поднимая глаз, и Джек, не торопя её, положил вторую: свидетельство о рождении.

- Оформлено в местной клинике через три месяца после рождения. Запись о домашних родах. Подпись врача. Печать. Документы оригинальные, не подделка.

Она не сказала ничего, и тогда он положил третью - пока-

зания врача.

- Я ездил к нему, - сказал он. - Он жив, работает всё там же, подтвердил: вы пришли с ребёнком и сказали, что родили дома, - он оформил свидетельство и не задавал вопросов. - Джек помолчал. - Он сказал, вы пришли беременная и светились: «Я её видел с животом - все её видели, она ходила по улицам и улыбалась, - а потом пришла с ребёнком. И я подумал: ну наконец-то. Она так ждала. Зачем спрашивать? Всё же ясно».

Пауза была долгой. Мирра смотрела на бумаги - на эти три листа, которые лежали перед ней, как приговор, - а потом подняла глаза: на Джека, на Эмили, на Фрэнка. И в её взгляде было что-то, чего они не видели раньше, - не страх, не злость, а что-то глубже, что-то, что жило в ней шестнадцать лет и теперь выходило наружу.

- Вы не понимаете, - сказала она.

- Тогда объясните, - сказал Джек. - Мы слушаем.

Мирра молчала долго, а потом медленно опустилась на стул, и плечи её поникли, и она смотрела в стол - не на них. И когда заговорила, голос её был тихим, ровным, как будто она рассказывала не свою историю, а чужую, которую слишком долго носила в себе.

- Я была беременна, - сказала она. - Давно, шестнадцать лет назад. Я ждала ребёнка - мальчика.

Она замолчала, и Джек не торопил её.

- Врачи говорили, что всё хорошо, что он здоров, что он

родится крепким и сильным. Я готовилась: комнату, кроватку, имя.

Мирра глубоко вдохнула, будто собираясь с силами.

- Но он родился... - она сглотнула. - Он родился, и я держала его на руках. Он был маленький, тёплый. Он дышал. Я слышала, как он дышит. Я считала его вдохи: один. Второй, третий.

Она замолчала, и Джек слушал - и в этот момент что-то в нём самом отозвалось, что-то, что он носил в себе два года и о чём не говорил никому: его отец, больничная палата, рука, которая с каждым днём становилась всё легче, и он тоже считал - не вдохи, а дни, - и тоже не мог остановить счёт. Он не сказал ничего, только сжал челюсть - так, как сжимал всегда, когда хотел скрыть, что что-то задело.

- А потом он перестал дышать. Просто перестал.

Мирра сглотнула, будто глотая что-то очень горькое.

- Я не знаю, почему, - сказала она тихо. - Я спрашивала - у реки, у воды, у всего, во что верили мои предки. Я ходила к реке каждый день и просила ответа, но никто не ответил. Никто.

Она подняла глаза, и в них стояли слёзы.

- Я хотела ребёнка, - сказала она. - Больше всего на свете. Не мужа, не семью - ребёнка. Я просто хотела стать матерью.

Замолчала, а потом сказала ещё тише:

- Я держала его долго - не могла отпустить. Похоронила его здесь, на берегу.

Помолчала и продолжила:

- А потом я ходила к реке. Каждый день. Просила. У реки, у воды, у чего-то, что было больше меня. Я просила дать мне ещё одного ребёнка. Я говорила: «Я не могу без него. Я не могу без сына. Дай мне сына. Дай мне кого-нибудь, кого я смогу любить».

Она перевела дыхание.

- Я ходила туда неделю, может, две, точно не помню. Время тогда шло по-другому.

Замолчала и смотрела в стол, и в этой паузе было что-то, что заставило Джека не перебивать.

- А потом я нашла её. У реки. Она выбралась из воды - сама, кое-как, цепляясь за илистый берег, - а машина, из которой она выпала, уже ушла под воду, и на поверхности остался только тёмный след, который держался ещё секунду, будто река не хотела его отпускать. Она была мокрая, в грязи, в крови, без сознания, и живот её - огромный, тяжёлый - выдавал, что она на последнем месяце, что она вот-вот родит, что она не доживёт, если ей не помочь.

Мирра замолчала, а потом сказала тише:

- Я вытащила её и привезла сюда. Она знала, что не выживет. И когда начались роды, она попросила меня только одно.

- Что она попросила? - спросил Фрэнк.

- Защитить его и вырастить. - Мирра сжала руки. - Она просила спасти не её, а ребёнка. Она дала мне браслет - серебряный, простой, - и сказала: «Отдай ему, когда вырастет.

Пусть помнит, что у него была мать, которая его любила». Она не сказала, как его назвать. Не успела. Или не захотела. Я не знаю.

Мирра замолчала и горько улыбнулась.

- Я назвала его сама. По обычаям моего народа. Кайрен - «дарованный»: тот, кого дают, тот, кого нельзя заслужить, нельзя купить, нельзя найти. Просто дают. Свыше, судьбой.

Женщина помолчала и продолжила:

- Я похоронила её здесь - не знала, кем она была, но хотела, чтобы она была похоронена достойно. - Мирра вздохнула. - А мой сын... он умер за три месяца месяца до этого. Я похоронила его, а потом появилась она, её ребёнок, и я подумала... - она запнулась, - я подумала, что это знак. Что судьба забрала одного, но дала другого. Я положила своего сына вместе с ней, чтобы она взяла его с собой, чтобы он не был один. Я знаю, это звучит безумно...

- Нет, - сказала Эмили тихо. - Это не безумно.

Мирра посмотрела на неё, и в её глазах наконец стояли слёзы.

- Я оформила документы и сказала, что родила дома. В маленьком городке никто не удивился: все думали, что это мой ребёнок, - я была беременна, я ждала, а потом появился Кайрен. И все решили, что это он. - Мирра посмотрела в сторону комода с наградами сына. - Она не сказала, кто его отец, просто просила защитить. И я защитила. Шестнадцать лет. Я дала ему всё: дом, имя, любовь. Я не знала ничего

больше. Когда ему было двенадцать, я сказала ему, что он мне не родной сын и что его мать умерла, чтобы дать жизнь ему. Он выслушал молча, а потом сказал: «Ты - моя мама. Ты всегда была моей мамой, и всегда будешь». Он подошёл и обнял меня. Больше он к этому не возвращался. Никогда.

Замолчала, а потом добавила - тихо, почти беззвучно:

- Я боялась за него больше, чем за себя, и делала всё, чтобы он выжил, - даже то, что мой народ не одобрил бы. Нарушала обычаи и не жалею.

Она подняла глаза на Джека.

Джек открыл было рот, но Фрэнк опередил его. Он сидел в стороне и молчал весь разговор - так, как умел молчать только он, - но теперь подался вперёд, и в его голосе появилось что-то, чего не было раньше: глухое, тяжёлое, как будто он говорил не о деле, а о чём-то личном, что он носил в себе много лет и о чём не рассказывал никому.

- Её звали Шарлотта, - сказал он. - Шарлотта Кроуфорд. Она работала в «Вангард Системс» - вместе с мужем, учёным Эдвином Кроуфордом. Они собирались дать показания против корпорации. Машина упала в реку, и все думали, что она погибла. Я тоже так думал. Шестнадцать лет.

Мирра смотрела на него долго, и в её глазах что-то дрогнуло - не узнавание, нет, она не знала этого имени, никогда его не слышала, - но что-то другое, что-то, что она увидела в лице Фрэнка и что сказало ей без слов: этот человек знал её. Этот человек её помнит. Этот человек носит её в себе так

же, как она носит Шарлотту - как незаживающую рану, как долг, который нельзя отдать.

- Вы знали её? - спросила она тихо.

Фрэнк кивнул медленно, и в этом кивке было столько, что Мирра поняла всё без слов: он не просто знал - он обещал защиту и не смог, он винит себя и носит это в себе шестнадцать лет, как она, как все они.

- Она была хорошей, - сказал он. - Она не заслужила того, что с ней случилось: ни она, ни её муж, ни её ребёнок.

Детектив замолчал и посмотрел на Мирру долго - так, как смотрят на человека, с которым тебя связывает одна и та же потеря.

- Вы спасли её сына, - сказал он наконец. - Вы дали ему жизнь. Это больше, чем я смог сделать для неё.

Мирра молчала долго, а потом медленно кивнула - и в этом кивке было что-то, что связало их: двух людей, которые знали одну и ту же женщину, но с разных сторон, и которые оба не смогли её спасти. Она - потому что не успела. Он - потому что не смог.

- Спасибо, - сказала Мирра тихо. - Спасибо, что сказали.

Помолчала, а потом подняла глаза.

- Что теперь будет? С Кайреном?

- Мы должны поговорить с ним, - сказал Джек. - Рассказать ему то, что знаем. Он имеет право знать.

Мирра сжала руки - едва заметно, но Эмили это увидела. И в этот момент Эмили - та, что всё это время держала на

коленях сумку, - медленно расстегнула её, достала конверт, плотный, без подписи, положила на стол и открыла. Внутри был рисунок: мягкий, выполненный карандашом, - лицо ребёнка. Маленькое. Крошечное. Мальчик - тёмные волосы, мягкие черты, серо-зелёные глаза с тёмным ободком у зрачка, высокие скулы, прямой нос с низкой переносицей, округлый подбородок. Тот самый, который родился у Мирры шестнадцать лет назад и прожил всего несколько вдохов. Себастьян сделал его -ночью, при лампе, не спал - потому что детей он не умел, потому что у них нет ни характера, ни истории, ни морщин, по которым можно прочитать жизнь, только форма, только кости, но он сделал, потому что Эмили попросила, и потому что не мог отказать.

Потом Эмили медленно положила руку на рисунок. Пальцы дрожали. Провела по лицу ребёнка - по щеке, по лбу, по подбородку. Как будто касалась его. Как будто прощалась. Как будто хотела запомнить каждую черту.

Прошла минута, может, две, - Мирра закрыла глаза, сделала медленный, глубокий вдох, потом открыла их, убрала руку и отодвинула рисунок обратно к Эмили.

- Спасибо, - сказала она тихо. - Спасибо, что показали, но у меня один сын. Кайрен. Только он.

Она встала, подошла к комоду, взяла фотографию Кайрена с кубком и прижала её к груди, - и стояла так долго, очень долго, пока слёзы не высохли, пока боль не улеглась, пока она снова не стала той, кем была: женщиной, которая держит

всё в себе и не показывает ничего.

Эмили убрала рисунок в конверт - медленно, молча; Джек смотрел в стол, Фрэнк - на Мирру, и в этой тишине было больше слов, чем во всех их разговорах.

- Вы пойдёте к нему? - спросила Мирра, не оборачиваясь.

- Да, - сказал Джек.

- Можно мне с вами?

Джек покачал головой.

- Пока нет. Сначала мы поговорим с ним, потом вы сможете его увидеть. Обещаю.

Мирра молчала, а потом кивнула.

- Хорошо.

Она положила фотографию обратно, вытерла глаза и повернулась.

- Найдите того, кто это сделал, - сказала она тихо. - Найдите того, кто сделал это с его матерью, и накажите.

- Найдём, - сказал Фрэнк.

Встали и пошли к двери, но у выхода Эмили обернулась.

- Мисс Уэлкотти.

Мирра подняла голову.

- Вы сделали всё правильно. Вы спасли его и дали ему жизнь. Не сомневайтесь в этом.

Мирра смотрела на неё долго, а потом улыбнулась - слабо, но искренне.

- Спасибо.

Перед тем как уйти, Эмили вытащила из сумки фотогра-

фию Кайрена, которую забрала в прошлый раз, и вернула её женщине, извинившись, что взяла снимок без разрешения. Мирра взяла фотографию, мягко улыбнулась и прошептала:

- Спасибо.

Детективы вышли, дверь закрылась, и Мирра осталась одна - в доме, где на стенах висели кубки и медали её сына; она подошла к окну, посмотрела, как машина отъезжает, а потом села на стул и стала ждать.

Глава 9. Академия

Они поехали в академию на следующий день - втроём: Джек, Эмили и Фрэнк. Фрэнк сам настоял. Сидел сзади и молчал всю дорогу, и в его молчании было что-то, чего не было раньше - не усталость и не привычная тяжесть, а что-то другое.

Академия «Riverstone» стояла на окраине города, среди старых клёнов, которые осенью стали багряными, и издалека казалась не спортивным комплексом, а чем-то другим - то ли старым поместьем, то ли кампусом дорогого университета. Большое здание из тёмного кирпича с высокими окнами, стеклянный купол над главным входом. Внутри - просторный холл с мраморным полом, стойка администратора, мягкие диваны, телевизоры под потолком, на которых крутили старые матчи, и галерея фотографий вдоль стены: команды разных лет, кубки, медали, подписи. Всё говорило о том, что здесь растят не просто игроков, а звёзд.

Арена встретила их гулом голосов и резким, коротким свистком тренера, который разносился над льдом, как удар хлыста. Лёд был огромным - гладкий, белый, с синими линиями разметки, которые казались нарисованными на фарфоре. По краям высились трибуны, пустые в это время дня, и в их пустоте было что-то гулкое, как в церкви. Игроки носи-

лись по льду, отрабатывая пасы, и шайба летала от одного к другому, как привязанная, - быстро, точно, почти беззвучно.

Форма у них была синяя - тёмно-синяя, с белыми полосами на рукавах и по низу свитера, с логотипом академии на груди: ястреб в звезде - тёмно-синяя звезда с белым контуром, а внутри, раскинув крылья, ястреб. На спине - номера и фамилии. Шлемы - тёмно-синие, с прозрачными визорами и металлическими решётками, и в них мальчишки выглядели старше, чем были: не подростками, а бойцами.

Джек и Эмили остановились у борта, а Фрэнк встал чуть в стороне - так, как умел стоять только он: не привлекая внимания, но видя всё. Мимо проехал парень в форме, бросил на них быстрый взгляд - оценивающий, настороженный, - но не остановился, только прибавил скорости, и коньки его высекли из-под льда тонкую стружку.

Они прошли вдоль борта к скамейке, где стоял мужчина лет пятидесяти - суровый, с сединой на висках, со скрещёнными на груди руками. Он был в старой спортивной куртке - тёмно-синей, с выцветшим логотипом академии на груди, - и в кепке с длинным козырьком, надвинутой на лоб. Свисток на шее, блокнот в кармане, взгляд - как у ястреба. Смотрел на лёд не отрываясь, и в его позе было столько сосредоточенности, что казалось, будто он сам играет - каждое движение, каждый пас, каждый бросок.

- Мистер... - начал Джек.

- Харрис, - бросил тренер, не оборачиваясь. Голос низкий,

отрывистый, привыкший командовать. - Если вы к Уэлкотти, то сегодня он интервью не даёт. И предложения о переходе в другой клуб тоже. Не отвлекайте его. Через две недели - Great Lakes Fall Classic, стартовый турнир сезона. Скауты, агенты, всё серьёзно. А через два с половиной месяца - The Big Apple Elite Showcase. Это уже финальный отбор. Туда попадают единицы.

- Мистер Харрис, - сказал Джек. - Мы из полиции. У нас есть вопросы к Кайрену Уэлкотти.

Он достал значок и протянул его тренеру, и Фрэнк сделал то же самое - молча, не говоря ни слова. Тренер обернулся, посмотрел на значки долго, внимательно, так, как смотрят люди, которые привыкли проверять всё и вся, - а потом поднял глаза на Джека, потом на Фрэнка, потом на Эмили и задержался на ней чуть дольше.

- Полиция, - сказал он. - Хорошо. Что он натворил?

- Ничего, - быстро сказал Джек. - Мы просто хотим задать ему пару вопросов. Возможно, он стал свидетелем ограбления. Мы хотим узнать, что он видел.

Тренер посмотрел на него, потом на Фрэнка, потом на Эмили, нахмурился, долго молчал - а потом его лицо потемнело.

- Ограбление? - переспросил он, и в голосе его что-то дрогнуло - не злость, а что-то другое, что бывает у людей, которые устали повторять одно и то же. Сжал кулаки, потом разжал - медленно, как будто заставлял себя не сорваться. -

Опять в город бегали. Уэлкотти. Доннелли, Андрич, Марино, Берг. - Фамилии он отчеканил быстро, как на перекличке, и в этом ритме было что-то, от чего Джек невольно напрягся: так выкликают не просто провинившихся, а тех, за кого болеют. - Я им говорил: не шляться по вечерам. У них режим. Через две недели турнир. А они... - Он замолчал, отвернулся к дальним воротам, и в этом повороте было столько усталой ярости, что Джек проследил за его взглядом. Там, у ворот, носилась группа мальчишек - молодых, громких, перебивающих друг друга. - Ну я им устрою, - сказал он тихо, почти беззлобно. - Круги по льду. И отжимания. До потери сознания. Чтобы знали.

- Мистер Харрис, - мягко сказал Фрэнк. - Это не его вина. Он просто оказался в неправильном месте. Мы не собираемся его обвинять. Просто поговорим. Это не отнимет много времени.

Тренер смотрел на него долго, а потом выдохнул - медленно, и плечи его чуть опустились, и в этом выдохе было что-то, что говорило: он всё ещё не доверял, но уже понял, что спорить бесполезно.

Они стояли у борта, и Джек смотрел на дальние ворота - туда, где одинокая фигура в синем отрабатывала броски. Парень разбежался и бросил - коротко, резко, без замаха, - и шайба взмыла в воздух, по дуге, и влетела в верхний угол ворот. Сетка дёрнулась, и звук был глухой, короткий, как удар сердца.

- Чёрт, - выдохнул Джек.

Парень даже не остановился: подобрал другую шайбу - их было несколько, разложенных у линии, - и бросил снова, потом ещё и ещё, раз за разом, идеально, прямо в сетку, без пауз, без сомнений. Как будто он делал это не в первый раз и не в тысячный, а всегда - всю жизнь.

- Он всегда так? - спросил Фрэнк, не отрывая глаз от одинокой фигуры на льду.

Тренер усмехнулся - едва заметно, но в этой усмешке было больше гордости, чем в иных похвалах.

- Всегда, - сказал он. - Каждый день после тренировки. Пока не забьёт пятьдесят. Потом идёт в раздевалку. Самый результативный стипендиат.

Замолчал и смотрел на лёд. Долго. Джек уже думал, что он больше ничего не скажет.

- Я тренирую двадцать лет, - сказал тренер наконец. - Видел много талантов. Но таких, как он, - единицы. Лучший за десять лет. Будет лучшим в стране. Если не случится ничего неожиданного.

Джек смотрел, как Кайрен бросает снова - с удобной, с неудобной, с разворота, - и шайба летела точно в цель. Каждый раз.

- Он вам как сын, - сказал Фрэнк тихо.

Тренер не обернулся, но что-то в его плечах дрогнуло - едва заметно.

- Я тренирую почти четверть века, - сказал он. - Не только

он - ещё двадцать мальчишек в раздевалке, и все они мне как сыновья.

Мистер Харрис снова замолчал и смотрел на лёд, и в этом молчании было больше, чем во всех его словах.

- Можно нам с ним поговорить? - спросил Джек.

Тренер посмотрел на него долго, а потом кивнул.

- Идите, но только недолго. У него через час теоретический класс. - И, помолчав, добавил: - Если опоздает - я его накажу, даже если вы из полиции.

Джек кивнул и бросил быстрый взгляд на Фрэнка - в глазах уважение. Фрэнк умел тушить огонь - этому нельзя было научиться, с этим рождались.

Они пошли через лёд - трое, в пальто и куртках, посреди белого пространства, которое казалось бесконечным. Кайрен их не видел. Бросал снова и снова, и шайба летела в сетку идеально, раз за разом, и в этом ритме - коротком, точном, безжалостном - было что-то, что заставляло смотреть и не отводить глаз, как смотрят на огонь или на воду.

Когда они подошли ближе, он как раз забросил последнюю, пятидесятую, - остановился, подъехал к борту и одним движением поднял лицевую часть шлема, визор и решётку, откинув её наверх. Лицо открылось - молодое, злое, усталое, - волосы взмокли и прилипли ко лбу. Вытер лицо рукавом, взял бутылку воды и отпил - долго, жадно, так, как пьют люди, которые знают, что после короткого отдыха придётся снова работать.

И в этот момент - когда он опустил бутылку и провёл рукой по лбу, отбрасывая мокрые волосы, - Фрэнк увидел на его левом запястье браслет: тонкий, серебряный, простой, без камней, с едва заметной гравировкой, которая почти стёрлась от времени. Браслет, который он уже видел - не на этом мальчике, а на запястье женщины, которая сидела напротив него в участке шестнадцать лет назад. Женщины, которой он обещал защиту и не смог спасти.

Фрэнк замер, но ничего не сказал - только запомнил.

Потом Кайрен обернулся - и увидел их: троих, незнакомых, идущих к нему через лёд. И что-то в нём мгновенно изменилось: плечи чуть напряглись, и он медленно опустил лицевую часть шлема, визор и решётку вместе - щелчок, тихий и короткий, - и лицо снова скрылось за прозрачным пластиком и металлической сеткой. Остались только глаза - настороженные, злые, взрослые не по годам.

- Кайрен? - позвал Джек. - Мы можем поговорить?

Парень опустил бутылку и посмотрел на них - молчал долго, так долго, что Джек уже начал думать, что он вообще не ответит. Потом сказал - тихо, глухо, через пластик и решётку:

- О чём?

- О твоей матери.

Кайрен замер: бутылка в руке чуть дрогнула, но он не отвёл глаз и не поднял лицевую часть шлема - наоборот, смотрел прямо, открыто, как будто хотел видеть их лица, как буд-

то хотел, чтобы они видели его через эту прозрачную преграду, которая отделяла его от них.

- О какой матери? - спросил он, кладя бутылку на скамейку за бортиком.

- О той, которая тебя родила, - сказал Джек. - И о той, которая тебя вырастила.

Пауза была долгой, и Кайрен смотрел на них, и в этот момент плечи напряглись сильнее, челюсть сжалась - едва заметно, но Фрэнк это увидел. И тут же, сам того не замечая, Кайрен провёл большим пальцем по браслету на запястье - медленно, как будто успокаивал себя, и держался за что-то, что было дороже всего остального.

- Я знаю, что я не родной, - сказал Кайрен. - Мирра рассказала мне, когда мне было двенадцать.

- Мы знаем, - сказала Эмили мягко. - Она вырастила тебя, дала тебе всё. Мы не спорим.

- Тогда что вам нужно?

Джек приблизился к нему, но не слишком близко - достаточно, чтобы Кайрен слышал.

- Мы нашли останки женщины в оползне, недалеко отсюда. Она была убита шестнадцать лет назад. - Пауза. - Она была твоей матерью.

Кайрен молчал: смотрел на лёд, на ворота, на шайбу, которая лежала у сетки, - лицо скрыто, но рука, левая, та, на которой был браслет, снова дёрнулась. Большой палец скользнул по серебру - раз, другой, - как будто сам по себе, как

будто это было не движение, а привычка. Дыхание. Способ не сойти с ума.

- Она умерла, - сказал он тихо. - Рожая меня.

- Да, - сказала Эмили. - Она отдала тебя Мирре, чтобы ты жил.

Кайрен кивнул медленно, а потом поднял рукой забрало шлема - щелчок, лицо открылось, - и глаза его были серые, светлые, прозрачные, как вода в горной реке.

- Я не хочу знать больше.

Джек замер.

- Что?

- Я не хочу знать, - повторил Кайрен. - Кем она была. Почему её убили. Кто её убил. Я не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.